

Александр Никитенко

Я БЕТА ТЕБЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Бишкек - 2014

УДК
ББК

Никитенко Александр Иванович

Я бета тебя. Стихотворения. – Б.: Салам, 2014. – 184 стр.

ISBN 978-9967

В новую книгу поэта вошли стихотворения разных лет о любви к женщине, к семье, к жизни, к родной земле и природе.

Мои книги на сайтах:

www.palindromon.narod.ru

«Некто я»

«Зимняя радуга»

«Перевооружаю мир»

www.literatura.kg

«Пульсар»

«Десятая книга»

«Дневная фактура»

«Разрыв»

«Силовое поле»

«Нестабильность»

«SMS»

«Чёрный ящик»

«Мостовая времен»

«Перевооружаю мир» - издание второе, дополненное

УДК

ББК

©Никитенко А.И.

©Я бета тебя, 2014

ISBN 978-9967

Я бета тебя

ВОСПОМИНАНИЕ

Соскакиваю

– на ходу! –

с трамвая,

закатываю выше рукава.

Кипит листва под свежим ветром мая,

горит небес густая синева.

Смотрю на встречных девушек влюблённо.

С одной из них, весна, меня сведи!

И холодок рубахи из нейлона

бодрит, как неизвестность впереди.

Весна красна и молодость прекрасна.

Мне двадцать, и влюбляться мой черёд.

И что там

впереди,

ещё не ясно.

Что б ни было – вперёд, судьба,

вперёд!

18 мая 1987, 2013 г.

Облаков скандинавские руны
нашим душам воздушным сродни.
Если есть в нас высокие струны,
то протянуты в небо они.

Отпускает нам тайны немного
с неизвестных небесных дорог
то ли облако в облике Бога,
то ли в облике облака Бог.

Вечность, близкая до осязания,
синевы расплескала атлас.
И плывут облака, как сказанья
обо всём несказавшемся в нас.

18 июля 2009 г.

Спасибо, что есть неизбежность
друг друга учить наизусть.
Нежнее меня только нежность.
Грустнее меня только грусть.

11 ноября 2008 г.

Вспомню: ты у меня есть.
Знаю: думаешь обо мне.
Крест свой мне легче несть
с этим вдвойне и втройне.

Впрочем, в горячке дней
кто знает, во сколько раз
делают нас сильнее
женщины, ждущие нас.

20 августа 2010 г.

ЧУМА

Чума
царила на планете.

Друг друга так любили мы,
что позабыли всё на свете.
И не заметили чумы.

Чума
безжалостно губила
любого. Бог людей забыл.
И только ты меня любила.
И только я тебя любил.

Исчез в мученьях и проклятьях
народ с поверхности земной.
Лишь мы с тобой спаслись в объятьях,
не зная, что там за спиной.

15 ноября 2007 г.

РЯБИНА

Женщина сорвала гроздь рябины –
мало было горечи своей.
Зябкими губами, как рубины,
гроздь брала – и горько было ей.

На плаще светила влага с ветки.
Гроздь рябины рдела возле рта.
В морозящей пасмурной расцветке
горечью сквозило неспроста.

Осень свет повсюду пригасила,
одарила горечью живых.
И к губам мянучка подносила
гроздь огня в накрапах дождевых.

7 октября 1999, 2008, 2013 гг.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ – 87

Вся душа окровавлена, сбита
на жестоких витках бытия.
Началась эпидемия СПИДа –
сообщает «Спидола» моя.

В «Литгазете» твердит Вознесенский
всем о том, о чём чаще молчат.
Возле старой скамьи возле сельской
не видать ни парней, ни девчат.

И меня посещает обида,
сам себе я сегодня постыл,
из-за этого самого СПИДа
я к любимой своей поостыл.

Дорогая, мы взрослые люди,
как же будем себя мы беречь,
если даже о чистой посуде
заходила по радио речь.

И не место слезам и обидам
в этом мире, где столько стряслось.
Апокалипсис вылился СПИДом?
Спи одна да и с нами Христос.

21 октября 1987 г.

Луна, золотая к лету,
на дне озерца смеётся.

Бросил Господь монету.
Может, ещё вернётся?

3 декабря 2008 г.

ЖЕНА ОВИДИЯ

В интригах за наследника престола
Октавиан запутался кругом...
Нет в мире средства более простого
чем гнев сорвать на ком-нибудь другом.

Овидий был любимец муз и граций,
был публикой взыскательной ценим.
Великий и божественный Гораций,
Тибулл бессмертный – в дружбе были с ним.

Изгнать его – немало в том резона
отвлечь вниманье римлян от интриг.
У Публия Овидия Назона
в пенатах плач, мольба, и стон, и крик!..

Дочь в Ливии, а муж отплыл в изгнание
к неласковым сарматским берегам.
Одна, как перст, жена свои стенанья
шлёт день и ночь безжалостным богам.

С ним разделив страдания и муку,
от горя и тоски полужива,
оплакивает лютую разлуку
его полувдова-полужена.

Её мольбы спасут его в дороге.
И «Письма с Понта» к римлянам придут.

Её мольбами тронутые боги
изгнаннику бессмертие дадут.

Родной женой, стихиями овытый,
в далёких Томах, в диких племенах,
состарившись, скончается Овидий.
Но станет жить в грядущих временах.

22 декабря 1988, 2012 гг.

ГАЛАКТИКА

Л.Ш.

Накинь свой цветастый халатик
и тихо присядь у окна —
одна из наземных галактик,
подруга моя и жена.

Не надо ни жестов галантных,
ни стёршихся слов про любовь —
я рядом с тобою талантлив,
как был бы талантлив любой.

Помыта на кухне посуда,
уснул наш ребёнок в тепле.
Красиво и просто, как чудо,
присутствуешь ты на земле.

Забыты друзья и дороги,
заботы и радости дня,
когда ты в любви и тревоге
поднимешь глаза на меня.

За окнами сумерки мая.
Мы снова с тобою вдвоём.
И снова, светя и сияя,
восходишь ты в небе моём.

Предстанет глазам астрономов,
обживших космический куст,
как редкая вспышка сверхновой –
энергия вспыхнувших чувств.

И миг этот исповедальный
бесценен на тысячи лет:
в тебе как в галактике дальней –
любви излучившийся свет.

Затеряны мы во Вселенной.
Но ты отовсюду видна –
в квартире по улице энной,
со мной у ночного окна.

1988 г.

Вялость спячки, зимней статики.
А весна своё берёт –
спарились клопы-солдатики,
один задом наперёд.

В царском шлейфе крылец нежненьких
вышла мамка муравьёв.
И полны у ног подснежники
мелких осок до краёв.

О насущном все тревожатся.
Вскинься млад! Подвинься стар!
Жадно ожили и множатся,
ищут пару, пьют нектар.

Явь должна предстать им сладкою
хоть разок в конце концов!
Прянь, весна с яичной кладкою,
грянь, истошный писк птенцов.

Жизнь творится, околдовывая.
Одурманена насквозь
голова моя садовая
со снежком и вкривь и вкось.

29 марта 2013 г.

ПРИЕЗД

Я возрос на селе
с камышовыми низкими кровами,
где почти в каждом доме
с той войны ещё все не пришли.
Я возрос на селе,
освященном чертами суровыми
незабвенной и ласковой
послевоенной земли.

Мне вовек не сыскать
нашу пыльную длинную улицу.
Мостовая лежит
вдоль по ней среди нового дня.
Отчий дом на бугре
постарел и уныло сутулится.
И в знакомом окне
наваждение чужого огня.

Кто здесь помнит меня?
Палых листьев лихая метелица,
да дедок-фронтовик,
да ещё тополя у пруда.
А дорога моя
от порога родимого стелется
и уводит вперёд,
и как совесть приводит сюда.

Вот и осень опять
сердцу ясную грусть даровала,
как с влюблённым подростком,
ничего не поделаешь с ним.
Листья жгут по садам,
как не раз в этом мире бывало.
И плывёт над селом
дорогого отчества дым.

29 августа 1979, 2012 гг.

НАСЛЕДСТВО

На этажерке две-три книжки.
Визжит в свинарнике свинья.
Кричат на улице мальчишки.
Так начиналась жизнь моя.

Летали совы над садами.
Отец пришёл с большой войны.
Я помню мать с её трудами,
с заимком ранней седины.

А с фотографий, не мигая,
смотрела прямо на меня
её семья – совсем другая –
войной убитая родня.

Я рос, весной скакал по лужам.
По вечерам листал альбом,
где мать с детьми и первым мужем
сидели дружно вчетвером.

И сквозь раздольный праздник детства
меня догадкой смутной жгло,
какое трудное наследство
ко мне от мамы перешло.

15 февраля 1987, 2013 гг.

Сумерки пахнут сиренью.
Ею набит палисад.
Космы спуская к селенью,
сизые тучи висят.

Всюду от листьев, от стенок
мокрых, но светлых вполне,
отсвет небесный, оттенок
слабый, но видимый мне.

Дождь этот майский! Светло с ним
встретить вечернюю тень.
Чем-то вовсю кончаловским
ломится в окна сирень.

Настежь распахнуты окна –
зелено в стёклах фрамуг.
Тяжестью свежей намокла
кипень сирени вокруг.

До мятēja, до мигрени
сумрак по комнатам густ
женственным смехом сирени
и холодком её уст.

12 ноября 1987, 2013 гг.

ВЕЧНАЯ ТЕМА

И всё-таки, поэзия, я твой,
ещё я не ушёл с передовой.
Всю боль,
всю соль земли
с тобой я знаю.
Когда чуть тлеет блеклая заря
и стынет осень, листьями горя,
я ни на что тебя не променяю.

Ты есть во мне!
Когда ты есть во мне,
то не страшны сомненья в глубине
да и не важен самый выбор темы.
Вот, как живое воплощение зла,
старуха к распродаже поднесла
подбитые морозцем хризантемы.

Карга глядит ягой из-под платка.
Угрюмо выбираю
три цветка
в жестяной банке
братской фирмы «Глобус».
Промозглым утром в сонной тишине
я хризантемы отдаю жене,
чтоб весь свой век
она жила, не злобясь.

Поэзия – синонимом добра
хотя бы для двоих побудь с утра!
Два человека –
это две вселенных.
А вот и тема:
в мир добра и зла
любовь моя доверчиво вошла
младенцем
на крылах твоих нетленных.

Всё в звёздном мире – только для двоих.
Любовь моя,
вот омут глаз твоих.
Любви, добра
хотим и ищем все мы.
Ненастным утром
нам с тобой, мой друг,
так остро веют
горечью разлук
и вечностью
три
белых
хризантемы.

27 июля 1983, 2013 гг.

23 ФЕВРАЛЯ

Девчата книжки нам дарили
на праздник!
В них была война.
Мы их читали
и хранили,
как боевые ордена,
которых мы не получили
в определённый срок и час
лишь потому, по той причине,
что не было на свете нас.

1966 г.

Был я в школе начальной ударник.
На уроке я видел в окне
жалом стрел устранивший татарник
и кипчаком казавшийся мне.

За окном было ярко и жарко.
Был я ранней любовью томим.
И с бантами девчонка Тмарка
тайно сердцем владела моим.

А лихие кипчакские кони
вслед за нами неслись по пятам.
И её на седле от погони
умыкал я по диким степям.

Лишь скошусь на Тмарку украдкой,
конский топот грохочет, как гром —
застывает над чистой тетрадкой
деревянная ручка с пером.

Как давно это всё-таки было!
Только я ничего не забыл.
А она не меня полюбила.
Да и я не её полюбил.

29 июля 1988, 2013 гг.

ДАВНЕЕ

Совсем недавно кончилась война.
Им председатель выделил участок.
И он, казалось, был впервые счастлив;
малютка-сын и верная жена
стояли рядом.
Дождь сверкнул слепой,
и тёплый пар струился над тропой,
через клеверники петлявшей в поле.
С десяток чьих-то коз паслось на воле
среди зелени, сиявшей от дождя.
И думал он, участок обходя,
что хватит кочевать по белу свету,
что надо ставить дом,
и землю эту –
перекопать под сад и огород.
Он в мыслях забегал уже вперёд
и думал только так, и не иначе:
«Нет линии электропередачи?
Поставим дом и сходим в сельсовет,
добудем деревянные опоры.
Я ж фронтовик – какие разговоры?
Я и монтажёр, сказал – и будет свет!»
А между тем смеркалось понемногу.
Жена уже в обратную дорогу
его звала.
Заботилась, как клушка,
о выводке своём.

Сгущался вечер.
И он сынишку хватанул на плечи
и двинулись.
А тополя верхушка
ещё слегка была озарена
багряным солнцем.
И на ветке тонкой
чернел скворец,
и трелью чистой, звонкой
пророчил золотые времена.

20 февраля 1982, 2013 гг.

Cogito, ergo sum.
Декарт

Я существую – значит, мыслю.

По существу, я начат мыслью,
что должен я существовать,
когда отец влюбился в мать.

Но существуют ведь без мысли
земная твердь,
сквозная высь ли!..

Иль это тоже чья-то мысль –
земная твердь,
сквозная высь?

6 июня 1983, 2011 гг.

ИНТИМ

Демонстративны силиконы
из безразмерных декольте.
И толпы пагубно влекомы
к бесстыдной этой наготы.

А, собственно, откуда знать им,
что я пленён совсем иным –
когда объёмы скрыты платьем,
угадываясь вдруг под ним.

Я помню бунинские строчки
среди падких на стриптиз людей:
«А под сорочкою – две точки
стоячих девичьих грудей».

Быть может, я вступаю в ересь,
но есть в ней доля лепоты:
задрапированная прелесть
волнует больше наготы.

Безумия не остановишь
в слепом разгуле естества.
И бюстом Ани Семенович
повально грезит пацанва.

Держаться б нам устоев древних!
А мы интимного хотим.
Когда-то вырос я в деревне.
Там девки прятали интим.

10 июня 2008, 2011, 2012, 2013 гг.

ТОВАР – ДЕНЬГИ

Я забыл давно
вкус коньяка и сосисок.
Потому что «вышел строить и мечь».
А у этой товар –
пара шикарных сисек.
И коньяк и сосиски у неё есть.

2001 г.

ПОЛДЕНЬ

облака
над притихшей рекой
застоялись до изнеможения

поломаю
своё отражение
и потрогаю небо рукой

1977, 2005 гг.

Калитка с колечком.
Кибитка с крылечком.
Сирень у окна.
Меж рамами вата.
Жила здесь когда-то
девчонка одна.

Давно это было.
Меня позабыла
теперь и она.

Калитка с колечком.
Кибитка с крылечком.

Времён глубина.

1988 г.

Боготворил я девочку одну.
Мы с ней гуляли, глядя на Луну.
Окраиной села бродили поздно.
Роса мерцала. Небо было звёздно.

Всё то же небо в звёздах над селом.
Они горят, накала не снижая.
А девочка осталась лишь в былом.
Она давным-давно жена чужая.

29 ноября 1998 г.

От старых вымокших черешен
я шёл на свет её окна.
Был без неё я безутешен.
Меня к себе влекла она!

Сквозь чёрный ливень,
как сквозь бред,
я шёл, ничем себя не выдав.
И отвернулся вдруг, увидев:
она,
нагая,
гасит свет...

И он погас.
Я обернулся!
Но лишь дождём гудела тьма.
Стыд, что я к тайне прикоснулся,
обжёг и свёл меня с ума.

Ведь я не знал, что выйдет так!
Вблизи неё побыть немножко
я крался тихо под окошко,
когда в подмогу дождь и мрак.

Дождь навевал теперь ей сон.
Она и не подозревала,

что я, такой, каких немало,
тайком давно в неё влюблён.

И я ушёл сквозь сад во тьму.
Я знал, бредя по лужам в пене,
что на неё не подыму
глаза на школьной перемене.

1965, 2011, 2013 гг.

Этот ребус с серебряным ливнем!
С этим блеском и плеском, и мы в нём,
в этом блеске и плеске стеной,
в амальгаме его водяной!
Ни зонта,
ни черта,
ни навеса —
вертикального ливня завеса,
летний гнев громовержца Зевеса,
мы подмяты, раздавлены вдрызг
мегатоннами мчащихся брызг.
А в кармане билеты на Баха.
На лопатки налипла рубаха,
привкус неба на бранных губах,
и басами бабахает — Бах!
Как бахилы, разбухшие туфли,
но глаза у тебя не потухли —
облегло тебя платье по телу,
ты хохочешь совсем не по делу,
на тебя низошла благодать —
хохотать!

Хохотать!!

Хохотать!!!

Ты
хохочешь,
а Бах

всё играет –
посочнее аккорд выбирает.
Зычно, сочно звучат небеса.

Ты
хохочешь,
проста и боса!

Краем глаза – школяр, сумасброд –
я ловлю
твой хохочущий рот,
отблеск летних небес по лицу,
на губах световую пыльцу...

Это было похоже на счастье.
Лёд зубов, как фарфор снеговой.
Если счастье, то даже в ненастье
на цветной от небес мостовой.

1988, 2013 гг.

Встретил даже не её,
а её подругу.
Рассказала про жизнь
приняла под руку.

Жили рядом столько лет,
и болел не ею.
А теперь молчу в ответ,
невпопад краснею.

Вспомнил умницу свою,
сельских ночек лунность.
Перед женщиной стою,
вдруг вернувшись в юность.

1979, 2013 гг.

КРУТО

*Минувшее меня объемлет живо.
Александр Пушкин*

*Минувшее не веет лёгкой тенью,
А под землёй, как труп, лежит оно.
Фёдор Тютчев*

Всё чужое в этом переулке!
Милых сердцу нет нигде примет.
Выбили какие-то придурки
стёкла в хате, где хозяев нет.

Фонарей вечернее свечение,
окна, звёзды, глупая Луна –
всё имело тайное значение,
потому что здесь жила она.

Там, где мы встречались у калитки,
и в сердцах у нас царил Творец,
супердомовиты, как улитки,
новые отгрохали дворец.

Онемев от блеска их и лоска,
я не передвинул из угла
в угол рта окурок – папироска,
дотлевая, губы обожгла.

«Тьфу ты сука! – сплюнул я окурочек
и в сердцах растёр его ногой, -
был тут мой заветный переулок!
Он теперь под новыми другой.

Аппетитов их не укоротишь.
Под себя сгребают всё подряд.
Так что зря ты тут понты колотишь,
как теперь крутые говорят.

Круто всё, однако, обернулось.
Много в новых наглой правоты.
Да и в них ли дело? Не вернулось
ничего, хотя вернулся ты.

Грезил ты своею недотрогой,
вышло очень грустное кино:
ты давно ушёл своей дорогой,
недотрога замужем давно.

Память воскресила всё случайно», -
сердце отстучало на ходу.

В переулок, где истлела тайна,
никогда я больше не приду.

24 октября 2005, 2013 гг.

Боже, какой же я древний!

Память заснуть не даёт.

В поле за нашей деревней
красное солнце встаёт.

Помню, надеждами полный,
ждал её в поле, любя...

Солнышко, ты меня помни.
Солнышко, помню тебя.

2005 г.

СТАРАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Памяти Марьям Шафеевой

Время,
которое быстро летит,
и нам ощутить довелось –
дети мои и дети друзей
уже подросли заметно.
Под небом вечерним над головой,
пронизанным светом насквозь,
о том, что сбылось,
и что не сбылось,
печалиться повода нет нам.

К верному другу я в гости пришёл,
к старинному школьному другу.
Встык оказалась усадьба её –
ухоженный сад, огород.
Вечер хороший шёл по земле,
мёл тополиную вьюгу.
Мы вспоминали о том и о сём,
что в нас никогда не умрёт.

Вдруг из малинника вышла она –
работала где-то в саду,
по голосам – через тысячу лет! –
услышала нас и узнала.
Как в незапамятном и дорогом

далёком учебном году,
сухая и маленькая, как дитя,
она перед нами предстала.

А по садам
молодая листва
ловила тускнеющий свет —
чётко темнела на небе сквозном
яблонь зелёная завязь...

И поздоровалась с нами она,
и мы поклонились в ответ,
статьи своей не совсем молодой
вдруг перед нею стесняясь.

Сказала,
что мать у неё померла —
приходит всему черёд, -
что любит сама она делать всё
и сохранять терпенье.
Долгую зиму
верит
одна,
что снова весна придёт,
снова свой сад будет холить она,
и в этом найдёт спасенье.

Сказала,
что любит много читать —
польза для интеллекта.

Труд и терпенье, чтение и труд
у ней во главу угла.
Счастливо и долго тот проживёт,
в ком есть вековая лепта,
кто по высотам духа всегда
правит свои дела.

Нас попросила она заходить
на чай, если будет время.
Мы пожелали ей
щедрых лет
и несуровых зим.

Перепахал нам души до дна
взгляд её — острый лемех.
Может, дала нам
последний
урок.

Помним его
и болим.

14 июня 1984, 2013 гг.

ВСТРЕЧА

Бабы на подмогу меня взяли.
Тут и разглядел я Нинку в зале
(«Боже, ты откуда тут взялась!»). –
Только как знакомому кивнула.
Только ниже голову нагнула.
Только строже делом занялась.

Рис перебирали на поминки.
Тёмен был мне свет. Как маргинал
за столом сидел я возле Нинки,
отделял рисинку от рисинки,
сор ладонью в сторону сдвигал.

В детстве Нинка бегала за мною.
Разошлись дороги наши вкось.
Стала Нинка чьей-то там женою.
На поминках встретиться пришлось.

Мало было времени у Бога.
На кутью понадобилось много
риса. Мы старались за столом.
Словно в глаз попала мне соринка,
жгло мне веки. Рядом была Нинка,
но с лицом печальным, как псалом.

У икон поблёскивали свечи.
Горькая давила тишина.
Не было ни до, ни после – встречи.
Только эта выдалась одна.

1988, 2013 гг.

* * *

Вьюнком увитая беседка.
На кольях крынки вдоль плетня.
И Люба – девочка-соседка,
тайком влюблённая в меня.

Она везде за мной следила.
А я девчонок не любил.
И мне всегда досадно было,
когда я взгляд её ловил.

Была тщедушной и слабее
подруг,
но встретит на пути –
и смотрит прямо, не робея,
и взгляд не хочет отвести.

Сельчан дичилась, как мимоза,
она, но среди бела дня
вдруг обернись, как от гипноза,
и вижу: смотрит на меня
опять несносная девчонка!

Казалось, свистну, и за мной
безропотно, как собачонка,
она пойдёт за край земной.

Печальный взгляд сквозь ветви сада!
Как угловата и бледна!

И часто жгла меня досада,
что это мной больна она.

1988, 2013 гг.

Вот строки балладного лада:
весна, тишина и прохлада
в залитом луною краю,
а может быть, где-то в раю.

Поехал рыбак на рыбалку.
В реке он увидел русалку.
Русалка была молодой,
и лунной плескала водой.

Рыбак, не мечтавший о чуде,
увидел округлые груди,
зелёные волосы, хвост
среди колыхавшихся звёзд.

Средь белых кувшинок и лилий
увидел он женственных линий
божественную игру,
рукой отводя мошкар.

И стаскивать стал он рубаху,
штаны, сапоги, и без страху
рванул, уходя в глубину,
к русалке, тянувшей ко дну.

И ласковый голос он слышал.
На берег он больше не вышел.

Лишь там, где он канул в реке,
одежда ждала на песке.

Искать его вовсе не надо —
тут не детектив, а баллада.
А тот, кто одежду подымет,
надежду на чудо отымет.

20 августа 1988, 2013 гг.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ПЛЮС-МИНУС ПЯТЬ

[illegible]

Губы алым подвела.
Платье новое надела.

Наказала сыну спать.
Загадала: чёт и нечет.

Назывался в клубе вечер
«Тридцать пять плюс-минус пять».

За столом три мужика
со щеками, как при флюсе.
У неё года все в плюсе.
Счастье в минусе пока.

От намёков чуть не рвёт...

В дом вошла, укрыла сына.
Свет на кухне погасила
и ревёт,
 ревёт,
 ревёт.

6 января 1988 г.

* * *

Эти двое в любую погоду
вдоль канала гуляют с утра.
И глядят на бегущую воду –
на цветущий поток серебра.

Пожилые, всегда они рядом.
Их в округе не помнит никто.
Он – в болоньевой куртке с подкладом.
И она – в затрапезном пальто.

За машиной несётся машина
по шоссе, не спугнув их мирка.
Он – высокого роста мужчина,
и она – как подросток, мелка.

Им обоим прогулка желанна!
Он ей кинет по ходу словцо –
и она всё косится жеманно
на его роковое лицо.

Что свело их на склоне осеннем
краткой жизни – никто не постиг.
Одиночеством и запустеньем
веет в сердце от этих двоих.

Не до выбора, видно, теперь им.
Им утешиться время пришло
отчуждением, мирским недоверьем
за последнее в жизни тепло.

10 марта 1987 г.

Осень длится,
догореть никак не может.
Свет такой,
что им пронизана душа.
Светит солнце
и высвечивает мошек.
По аллее мы идём, листвою шурша.

Эта радость
мимолётна и неожиданна –
взгляд поднять, очароваться поутру:
запылали
 листья
 старого
 платана,
замелькали
 паутинки
 на ветру.

Листья –
 словно фонари дневного света!
А опавшие – букет зажгли тебе.
И за всё
благодарю я
 бабье лето
и тебя,
как этот свет в моей судьбе.

3 ноября 1979, 2013 гг.

Это весть о тебе –
свет зарниц с запозданием грома,
трепет тьмы грозовой,
словно трепет твоих ресниц.
Вслед за вестью твоей,
окрылись, оъявились невесомо
и приди, и войди,
словно шум дождевой, приснись.

Это весть о тебе –
в подоконник стучат дождевики,
долетая сюда
из густой темноты, с высоты, –
словно пальцы твои
бегло бьют в алфавит пишмашинки,
нашу позднюю повесть
торопливо кладут на листы.

Это весть о тебе –
грозовое дыхание ночи,
полыханье зарниц,
пониманье нелепых обид.
Потому-то опять
в память многих твоих одиночеств
у окна нараспах
для тебя моя лампа горит.

1979, 2013 гг.

Твоя властная сила,
дорогая моя,
меня не подкосила —
приручила меня.

Жил я зло, непокорно,
ветер в поле любя.
Сыт я этим по горло —
пропадать без тебя.

Осень крепкой закваски
листья сдула с дорог.
Сердце льнёт к твоей ласке,
как продрогший зверок.

3 ноября 1979, 2013 гг.

Ах какая осень золотая
выкрасила прядь её волос.
Листья, по аллеям залетая,
сыплются с пустеющих берёз.

Ах какая женщина со мною
смотрит на пропащую листву.
Эту осень нашею весною
про себя я ветрено зову.

Упаду к ногам, лишь двинет бровью.
Улыбнётся — вскинусь к небесам.
Если б не звалась она Любовью,
я бы имя выдумал ей сам.

30 июля 1983, 2013 гг.

ОШИБКА

Я подарил ей жёлтые цветы.
Она устало уронила руки
и прошептала, как из пустоты,
что жёлтые цветы – цветы разлуки.

А мир живой кипел у наших ног:
цветы цвели и небеса сияли,
и знать не знали о её печали.

Но я остался в мире одинок.

Она ушла и бросила венок,
где были одуванчик и выюнок.
Растаяла, как сон, в пространстве летнем.

Порою ошибёшься только раз –
и у любимой свет в глазах погас.
Весь век потом об этом сожалеть нам.

28 июля 1983, 2013 гг.

В очереди к кассе магазина,
среди полок хлеба и вина,
вдруг меня глазами поразила
женщина безвестная одна.

В зале вентиляторы жужжали,
и в наплывах душной тишины
две земные грустные скрижали
были на меня устремлены.

Я стоял с хозяйственной авоськой
и с душой домашней и простой
перед этой редкой и неброской,
и такой внезапной красотой.

3 мая 1982, 2013 гг.

ТВОИ СОНЕТЫ

1

Ищу тебя – тебя всё нет и нет.
Я б заключил черты твои в сонет
и опоясал их чеканной рифмой.
Но ты – фантом, полуреальный миф мой.

Ты, верно, где-то там, близ божества –
высокий вздох из радости и боли.
Мне о тебе нащёптывала в поле
слова любви вселенская трава.

А мир вокруг – из стали и стекла,
где без тебя печально жизнь текла, -
как зеркало твоё и отраженье.

И ты летишь в моём воображенье
сквозь дали, города и времена –
фантом ещё, но мне уже видна.

2

Мне сладко вдруг подумать о тебе.
Зелёной веткой снова машет лето.
Вся – из тепла и ласкового света –
звезда моя, надежда мне в судьбе.

Давно уже подруга и жена
с младенцем-сыном на руках – мадонна,
меня тревожишь нежно и бессонно,
как чистый свет высокого окна.

Без роз и соловьёв – в быту семьи
люблю глаза усталые твои,
твою улыбку – солнечную гостью.

Мир ещё полон ненавистью, злостью.
Но он спасётся для иного дня
тем, что живёшь ты в сердце у меня.

18 апреля 1983, 2013 гг.

Прости-прощай, печаль моя! Пока!
Передо мной века да облака,
мне гулкие поля летят навстречу.
И хлопает рубаха на спине.
И ветер мне на вспененном коне
рот забивает, хлещет лоб и плечи.

Пыль до небес клубит из-под копыт.
Любимая еще, наверно, спит –
всю ночь качала маленького сына.
Она проснётся, станет ждать меня,
и надо мною, от беды храня,
звезда любви взойдёт неугасимо.

6 августа 1983, 2013 гг.

Опять иду с тобой
в луга,
в цветы заречные.
И нам ромашки встречные
кивают головой.

Кругом такой покой!
И поле – белоснежное.
И ты такая нежная
вечернею порой.

Горит
звезда полей
высокая,
красивая
любовью негасимую
и нежностью твоей.

Одни мы на земле.
Горчит в зубах травиночка.
Через поля
тропиночка
теряется
во мгле.

30 июля 1983, 2013 гг.

ГЕРНИКА

не пинайте меня в лицо
его ласкали её ладони

не стреляйте мне в сердце
вы убьёте её

8 января 1980 г.

СТИХИ ЯСМИНЕ

Ясмина,
индийские йоги
как боги!
Но с ними не всем по дороге.
А суть уяснима.

Ясмина,
есть люди
в причуде,
приходят то к Шиве,
то к Будде.

Я с ними.

Ясмине,
тебе
говорю
и хитрю:
мы вшивы,
ещё далеко нам до Шивы.

Выстони:
Христа
мы не сняли с креста
в наважденьи наживы.
Мы лживы.

Но ложь – это кокон
для будущей бабочки истины.

Логос – глубок он.

Ясмина,
жасмина и яси
полно в твоём имени божьем,
тревожь им!

Твой англиш так нежен по-сербски.
Замучена родина зверски.

Меж сном и меж явью:
- I love you!

23 мая 1996 г.

УЗЫ

1
Все эти чудеса,
все эти узнаванья,
все эти голоса,
ликующие враз,
которых в некий час
в пустыне мироздания
не будет после нас,
как не было до нас!

Открой себя во мне!
Тебя в себе открою,
хотя уже вовне
во всём тебя открыл.
Я брат твоей родне.
А ты в моей – сестрою.
Ты – крылья в вышине.
Я – воздух, полный крыл.

Ах, эта синева
и это поднебесье!
Кружится голова.
Сквозь нас взойдёт трава.
В реку небытия
перетеку не весь я –
расплещутся в траве
любви моей слова.

2

Что хочется тебе?
А хочется простого
простора и его
пророчеств и глубин.
Вросла уже в тебя
его первооснова –
глубь голубых небес –
как в кровь гемоглобин.

Течёт в тебе теперь
воздушно-голубая
живица всех времён –
небесная струя.
И ранку на руке,
возможно, колупая,
ты истечёшь, смеясь,
всей кровью бытия.

13 декабря 1987, 2013 гг.

Когда меня целуешь в сенцах,
когда горю, и сушь во рту,
боготворю тебя, а сердце
как птица, рвётся в высоту.

И хоть глаза мои закрыты,
но свет во мне и тишина,
и вслед, как сон полузабытый,
картина давняя одна.

Я вижу даль, и паутинки
летят, мелькая над травой.
И мама в выцветшей косынке
через поля идёт домой.

Бездонно небо, поле чисто,
и хорошо ей оттого,
что, может, любит тракториста,
а может, вовсе не его.

Любимая, огня и света
ты мне так много принесла,
как мать моя, что краем лета
давным-давно когда-то шла.

Прошла и скрылась за осокой,
за камышанником вдали,
тебе, желанной и высокой,
оставив свет своей любви.

17 ноября 1979, 2013 гг.

ДА И НЕТ

Времени нет
оглянуться,
 опомниться,
выбрать счастливый билет.
Время
 летит,
 как безумная конница.

Времени нет.

Времени нет
полюбить до безумия
женщину солнечных лет.
Жизнь –
 это клип
 с изверженья

 Везувия –
времени нет!

Времени нет!
Словно Цезарь из Рима я,
жду тебя в сонме планет.
«Да» тебе, милая, неповторимая.
Времени – нет!

18 ноября 2001 г.

АДАМ

И обустроил свой Эдем он.
Хлопочет Ева. Дни летят.
И стал ему являться демон:
«Твой рай для Евы – просто ад.

Для этой похотливой тётки
не пожалел ты и ребра.
Теперь вы с Евой плоть от плоти.
Но от добра не жди добра.

Запретный плод вкусила с древа
и соблазнительно нагой
к тебе в доверье втёрлась Ева.
Но снится ей совсем другой!

Ты слеп от Евиного плена.
Не чуешь почвы под собой.
А ведь измена, брат, измена
в основе близости любой...»

Когда, как лох, по божьей воле
Адам на землю пал с небес,
дотла обуглилось от боли
в нём сердце. И сидел в нём бес.

14 января 1988, 2013 гг.

Говорит машина мне:

- я – люблю – горю – в – огне –

- я – твоя – ты – мой – мужчина –

Я люблю тебя, машина!

Для амурных кибернетик
есть недурный кабинетик.

Из библейского мы круга
отойдём в его нутро.

Я отдал тебе, подруга,
даже больше, чем ребро.

Я – Адам. Ты – моя Ева.
Погляди же поскорей
как с компьютерного древа
электронный манит змей.

Оттого, что ты прекрасна,
возрождая и губя,
райским яблочком соблазна
искушает он тебя.

Не погладит по головке
нас за шашни Бог-отец
(он как раз в командировке
на созвездии Скопец).

Раскрывай свои объятья,
падай в киберы цветов.
И за это пострадать я,
как Адам в раю, готов.

3 ноября 1987, 2013 гг.

БАСЕНКА

Адам и Ева. Божье дерево.
Прикрыт листочками интим.
И яблочная бижутерия.
И змей. Соблазн неотвратим!

И дева плод запретный кушает.

С интима падают листки...

Тот, кто родителей не слушает,
забудь про райские деньки.

30 октября 2008 г.

1

Пол один, супругов двое.
Бог-отец, с досады воя,
удавил свою змею:
ноль соблазна, мать твою!

Без соблазна безобразно.
В райских кущах тишина.

Мужу муж воркует страстно,
миру – мир, жене – жена.

Лесбиянки, педерасты
тут и там пошли к венцу.
Разнополо все горады.
Однополо – срам Творцу.

2

Бес поставил наобум
на транссексуальный бум.
Бог не думал, не гадал –
но родил транссексуал.

Мужеженщине дитя
пролепечет, не шутя:
- Мапа! Пама!

Боже мой,
мама, я хочу домой!

15 сентября 2012, 2013 гг.

Наши шансы призрачны и шатки.
Я зачем-то медлю на мосту.
Щебетуньи ласточки-касатки
корм с воды снимают на лету.

Вот и отгорело наше лето!
Ласточки

целуют
налегке
огневые отблески рассвета
в чистой, словно зеркало, реке.

Вскоре птахи улетят за море.
Отразились в водном серебре
свечи тополей на косогоре,
ярко-золотые на заре.

Ласточки

пикируют
искусно
молниями чёрного пера.
В сердце тихо-тихо, грустно-грустно
вкралась нашей осени пора.

1988, 2013 гг.

«ПОСЛЕДНИЕ ПЕСНИ»

В Карабихе, у Некрасова.
Бахилы и тишина.
Зачем ты глаза накрасила?
Тушь теперь солона.

Сентиментальная барынька.
Литературовед.
Со стороны забавненько
выглядит твой привет.

Люд подобрался знающий.
Грамотный, крепкий люд.
Смотрят на нас извиняюще,
нервно плечами жмут.

Всё своё стародавнее
выплакиваешь дотла
здесь, где среди страдания
муза его цвела.

Перед последними песнями
вспомнятся мне вдали
слёзоньки твои честные,
вспухлые веки твои.

10 ноября 1987, 2013 гг.

За столом,
где вино наливается
и где чувств происходит обмен,
я спросил,
как цветок называется,
и ответили мне:
«Цикламен».

Свет горит,
а позёмка всё бесится.
И мороз за окошком жесток.
И в разгаре холодного месяца
светит в сердце чудесный цветок.

В сердце грусть незаметно подвинется,
рядом с грустью
затеплится свет.
И ведёт высоко именинница
песню,
лучше которой и нет.

Песня тянется – русская, длинная,
сердцу
глянется в ней что-нибудь.
И моя голова
неповинная
опускается
ниже
на грудь.

Этой песней
с тобой мы повенчаны.
Всё звучит
её крестный рефрен.
И в душе моей
пасмурным вечером
пламенеет
огонь
цикламен.

23 января 1980, 2007, 2013 гг.

КЛОД МОНЕ. ЗАВТРАК НА ТРАВЕ

Один сидит в небрежной позе;
тот встал; полулежит другой.
И контур сердца на берёзе,
насквозь пронизанный стрелой.

В траве виднеются бутылки.
И дам прекрасны имена.
И поправляет на затылке
прическу пышную одна.

Пируют с милыми своими –
в лесу, средь светлой тишины.
И ветви летние над ними
косым лучом просквожены.

...Они давно исчезли где-то...
Перед холстом притихли мы,
где кистью, словно вспышкой света,
былое вырвано у тьмы.

2 января 1980 г.

OHA

Снег садится на ресницы,
звук шагов по снегу
 странный –
будто вспархивают птицы
из-под ног моей желанной.

В чёрной шубе, в светлой шали,
вся, как слово по секрету.
Только ей немного жаль их –
этих птиц, которых нету.

Скрипнет снег, как вскрикнет птица,
темнота и неба мглица...
Грустно с вымыслом проститься,
заходя в уют жилища.

Сон погасит наши лица,
и останется одна
птица – сирая синица –
где прошла сейчас она.

4 февраля 1980 г.

Поэт –
 стечение обстоятельств,
порой трагических. И тут
коль не сумеешь отстреляться,
нашатырём не ототрут.

Поэт –
 убийствами не грешен
и тем потешен для убийц.
Он выйдет с пригоршней черешен
на поединок,
 и –
 убит.

Поэт
 с фатальною Натальей
пошлёт к чертям холодный свет.
И чем талантливей – тотальной
он грудью ищет пистолет.

4 декабря 1987, 2013 гг.

Когда-то был молод и пылок,
какую-то Валю кадрил.

Бессонница. Давит затылок.
Снотворное.
Валокордин.

Встречал эту Валю у дола!
Стеснялись, гуляли тайком...

Теперь холодок валидола –
вкус вечности под языком.

Как, милый ты мой, ни брыкался,
а всё же явились в свой срок
палата,
постель
и лекарства –
заместо подруг
и дорог.

8 декабря 1988 г.

БОЛЕЗНЬ

Пал за веру
от руки кяфыра...
Но пришла, меня спасла от сна,
принесла мне хлеба и кефира
спутница, заступница, жена.

Ел я хлеб и запивал кефиром.
И в полубреду упал в постель.
И забылся сном, и вновь с кяфыром
меч скрестил за тридевять земель...

20 октября 1987 г.

АЛЕКСАНДРОВНА

Целый день
 то стираешь, то варишь.
А когда зажигается свет,
Александровна,
 ты мне товарищ,
хоть и старше на сорок лет.

Пред тобою я строен, как принц,
ты приземиста, подслеповата,
и глядишь на меня виновато
из-за выпуклых толстых линз.

Жизнь проходит,
тебе поаукав,
предоставив на кратком пути
мыть, варить,
да обстирывать внуков,
да со мною беседу вести.

Перекурим с тобой на скамье,
когда вечер накроет округу.
О себе,
 о судьбе,
 о семье
в сотый раз перескажем друг другу.

Что́ ты знаешь, рабыня детей,

что́ ты видишь, богиня уюта?
На три жизни – печали своей,
так зачем разделила мою-то?

Но душевно чинарик горит
и тебя утешает исправно.

Обо мне
 твоё сердце болит.
А моё –
 о тебе.
Ну и славно.

8 января 1987 г.

СОЛОВЬИ

1

В росистых кущах щёлкал соловей.
Свет золотой струился меж ветвей
и на осотах росы полыхали.
Мы соловья лет двадцать не слышали,
и вот теперь от города вдали
мы в восхищенье дух перевели:
рассвет вставал, трава была росиста,
и в рощице отчётливо и чисто
он зазнобил на разные лады,
огнём небес, хрустальностью воды
сквозное прополаскивая горло,
изящные серебряные свёрла
пьянящих трелей всверливая в свет.
Казалось: нас на свете вовсе нет,
а есть лишь эти звуки, эти трюки,
на все земные радости и муки
дающие чарующий ответ.

2

О соловей!
Осоловей от свиста,
трава уже прохладна и росиста,
и в воздухе разливисто и чисто
сквозь сумерки ночные соло вей,
о соловей!

О, всё левее музыка наркоза —
и вот из сердца улетает проза,
и вот оно, прекрасное, как роза,
тебе раскрыто, баловень ветвей,
о соловей!

На свете ввысь возносит только эта
работа песнопевца и поэта.
И под луной на песни нет запрета,
и от луны светло в тиши полей,
о соловей!

3

Пришёл я к праху матери моей.
На все мои печали и рыдания
бездушно-голосистое создание —
плевал с ветвей залётный соловей!

И постигал я соль небытия.
И подправлял я мамину могилу.
А соловей являл такую силу,
что соловья возненавидел я.

И подвернись мне под руку ружьё,
я б расстрелял пернатого уroda
за то, что в нём бездушная природа
являла мне бесстрастие своё.

А я её обожествлял, Природу!..
Обида в сердце маялась моём:

погребена здесь уймища народу,
а жизнь бряцает наглым соловьём.

Но было мне давно не двадцать лет.
Сквозь ненависть я вслушивался в трели.
А с обелисков на меня смотрели
все те, кого давно уж с нами нет.

Их было много — город неживой.
Их соловьи не избежали тлена.
А этот всё откалывал колена
над бедною моею головой.

Меня пронзал кладбищенский покой.
Водил я кистью, горько спину сгорбив.
А соловей безумствовал — такой
невыносимый среди тихой скорби.

Был ход природы прочен и не лжив.
И ненависть моя во мне слабела.
И я опоминался то и дело:
я жив ещё, и соловей мой жив.

Лишь одного я у звезды моей
просил, о вечном ведая покое:
пусть мой по мне посмертный соловей
хоть помолчит — ведь место там такое.

4

Нет, не чудится мне по запарке –
соловей!
Среди города в парке.

Хорошо, что заводы стоят.
Соловей наплодит соловьят.

Безработного много народа.
От промзон отдыхает природа.

Там, откуда уходит народ,
воцаряется дикость природ.

Небо чисто и ТЭЦ чуть дымит.
Соловей моё сердце томит.

Запустенье в столице моей.
И разбойно знобит соловей.

Но страшит соловьиный прогресс
здесь, где стало прогресса в обрез.

4 июня 2006, 2013 гг.

АКВАРЕЛЬ

Прогулялся сквозняк по селенью,
свежесть в сердце вселил на лету.
Веет дождиком, пахнет сиренью.
Всё в сиренево-сизом цвету.

В эту пору цветенья сирени
даже туч несиреневых нет.
И сошлись, и столпились в смиреньи,
и набряк в них сиреневый цвет.

Свет пригашен. И шумом зелёным
полон ветер, по веткам сквозя.
И, наверное, быть невлюблённым
под сиренями просто нельзя.

27 апреля 2010 г.

ПРЖЕВАЛЬСК

Здесь облаков живая вата –
бегут их тени на поля.
И, как река на перекатах,
шумят под ветром тополя.

Здесь высь! Здесь чаще сердце бьётся.
Здесь горы острые в снегу.
И памятник первопроходцу
на иссык-кульском берегу.

А тополя светло и гордо
ракетят в синь густой наряд.
И над лужком аэропорта
привольно коршуны парят.

Здесь ты жила ещё девчонкой,
мир постигая и любя.
И мне всё кажется, что в чём-то
похож твой город на тебя.

Идём по улицам знакомым –
ты не была здесь много дней.
И с каждой улицей и домом
ты мне дороже и родней.

15 августа 1983, 2013 гг.

ОКРАИНА

Памяти Василия Александровича Крутикова

Покосилась низенькая хата
под телеантенной в синеве.
На заборе дремлют индюшата,
и кутята возятся в траве.

Позади дороги и печали.
Был хозяин опалён войной:
Красная Звезда и две медали
украшают китель выходной.

Позади утраты и победы
и гражданской, и второй войны.
Строго смотрят молодые деды
в краснозвёздных шлемах со стены.

Выросли, разъехались по свету
дети из отцовского гнезда.
Перед сном он пролистнёт газету,
в телевизор глянет иногда.

Старость гнёт! Но молод взгляд горящий
из-под серых выцветших бровей.
По привычке день свой настоящий
он прожил в трудах, как муравей.

Век трудиться – и не помирать бы,
и глядеть, прищурясь у стожка,
как над лугом около усадьбы
в вечность проплывают облака.

14 августа 1983, 2013 гг.

У ТРАПА

В прозрачной дымке
южный город.
Из ЯКа с сыном на руках
я вышел –
грохотом
распорот
свод неба в лёгких облаках.

Уходит в высь
авиалайнер –
быстрее него
лишь мысль
и свет.
Воздухоплаватель мой ранний –
сын –
машет лайнеру вослед.

Здесь всё привычно и знакомо:
и небо – выше и родней –
и полоса аэродрома
с косматым космосом над ней.

И по соседству – поле хлеба,
уже созревшее почти.
И так желанно –
прямо с неба
на землю
прочную
сойти.

1983, 2013 гг.

СЕМЬЯ

Баяну

Мои друзья –
Рамис, Акбар Рыскуловы,
киргизского народа сыновья.
И как кому ни воротило скулы бы –
я говорю:
они
мои друзья.

Я друга выбираю не по нации,
простым и добрым людям сам родня.
В надёжнейшей сердечной депонации
простые чувства дружбы у меня.

У нас в селе жила семья киргизская,
еду приготавливала на огне.
И боорсоки, смачно маслом прыская,
шкворчали в раскалённом казане.

Я с детства рос под звёздами высокими,
доверчивости к людям не тая.
Конечно же, не только боорсоками
влекла меня киргизская семья.

Да что еда! Голодными мы не были –
пришли пятидесятые года.

Но то, что в этом доме нету мебели,
я помню, потрясло меня тогда.

Я научился ноги класть калачиком,
пристраиваясь с краю на кошму.
Никто гвоздя там даже не вколачивал
ни в стол, ни в стул, не нужный никому.

Они в том доме были б даже лишними.
И мы сиделись прямо на полу
или в саду под яблонями, вишнями,
и чай мы пили, дуя в пиалу.

Глава семьи врачом был или фельдшером –
я в детстве их не очень отличал.
И был он очень ласковым, доверчивым,
среди своих меня не отмечал.

Беря комуз, глазами глядя грустными,
он пел для всех, но как для одного.
И не были киргизами и русскими –
мы были просто дети для него.

И перестал я обращать внимание
на то, чем не был полон этот дом.
В нём жили доброта и понимание,
уют в нём был – заботой и теплом.

Тогда в селе все семьи были равными –
лишь десять лет как кончилась война.

И не были ковры и «стенки» главными –
совсем не этим жизнь была полна.

Вздохнули люди, столько отмытарствовал,
жизнь, медленно налаживаясь, шла.
Мои обноски мать в семью татарскую
донашивать, отштопав, отнесла.

Я тоже френч вельветовый донашивал
с соседского чеченского плеча.
И всё ж еще куда скромнее нашего
жила семья киргизского врача.

Но не было в соседях злости, вредности,
хотя и не хватало трудодней.
И не были мы чёрствыми от бедности,
и помогали тем, кто победней.

Позднее, шмотки модные разыскивая
и деньги перехватывая в долг,
не раз я вспоминал семью киргизскую –
была бедна, но в дружбе знала толк.

Я по две смены у станка отматывал.
А детство всё звало издалека,
и я читал киргизского Айтматова
как своего родного земляка.

Тряхнуло нас алма-атинским шабашем.
Мы столько лишних благ приобрели,

но опоздали, как к разбору шапошному,
к самим себе, оставшимся вдали.

И вот когда отдельные детсадики
для русской и киргизской ребятни
устроили ответственные дяденьки,
я понял, как забывчивы они.

Не раз я в жизни на излом испытывался,
я не хочу, как дяденьки грозят,
чтобы отдельно мой сынок воспитывался
от черноглазых шустрых киргизят.

Нельзя детей с мечтами одинаковыми
лишать насильно общего двора –
им не в национальном узком вакууме
придётся жить, когда придёт пора.

Нельзя нам забывать уроки давние,
уроки единения, родства.
Ведь дружба нерушима лишь когда она
в плоть межнациональную вросла.

И пусть об элитарности поскуливают
любители красивого вранья.
По-прежнему мы все - одна семья.
Мои друзья –
Рамис, Акбар Рыскуловы,
киргизского народа сыновья.

Я МИМО ШЁЛ

В пустых садах опрятны грядки.
Весна! Земля ещё сыра.
Руками машет для зарядки,
прозябнув, баба у двора.

При ней соседка, у колонки:
скрестила руки на груди.
Блестят во рту её коронки.
У них полжизни позади.

Под небом чуть голубоватым
шумят все вёсны их судьбы.
И веет дымом горьковатым,
летающим книзу из трубы.

Наряд домашний их небросок.
Весна с весной в них ожила!
Я мимо шёл, и в свой набросок
их взял с окраины села.

Вот так и пусть живут хотя бы
в дорожной книжке записной
провинциальные две бабы,
похорошевшие с весной.

1988, 2013 гг.

СТЕПНОЕ

На штырях провода проложили
над макушкой электростолба.
В небе соколы парой кружили.
Одного искусила судьба.

В страхе прынули малые птахи,
когда он – это видела степь –
на макушку спустился в размахе
и замкнул многовольтную цепь.

Обгорели, обуглились крылья.
Он затих. И развеялся дым.
И подруга в печали бессилья
ещё долго кружила над ним.

Вновь и вновь заходя с разворота,
отгадать всё пыталась она
отчего его поза полёта
неподвижна и этим страшна.

29 ноября 2006 г.

Здесь мама спит и спит отец.
Я светоч праха их простого.
Мои начало и конец —
простор в предгорьях Ала-Тоо.

И кто бы как тут ни визжал
о чужаках — не верю бреду.
Я никуда не уезжал.
И никуда я не уеду.

22 февраля 2005 г.

ТАНКА

Я
бегал по стадиону
20 кругов.
А они
стояли и целовались.

28 января 1996 г.

РАССТАВАНЬЕ

Карымшаку Ташбаеву

Царят цыганки в ресторане,
по-свойски сдвинув два стола.
К себе внезапное вниманье
картина эта привлекла.

В цветных платках и тонких шалях,
как и во все свои века.
Для них, провидящих и шалых,
на кухне жарят табака.

Сидит цыганка пожилая
среди молодух, как на кону.
Её глазами пожирая,
зал смотрит в сторону одну.

У них работы было много.
И выпадали с их руки
кому-то – дальняя дорога,
кому-то – в поле васильки.

Смеются смело, ожидая.
Им всё известно наперёд!
Официантка молодая
их ни на грош не оберёт.

Среди оседлого народа
они кочуют век и миг.
И кажется: сама Природа
им свой поверила язык.

Кто знает, свидимся ещё ли –
непредсказуем путь земной.
Вот так и жить – на грани боли,
на грани радости одной.

Судьба с цыганскими глазами!
Цыганки в грусти и гульбе
про нас всё ведают,
а сами
так мало знают о себе.

1981, 2013 гг.

ПЛЯЖ

вышла мокрой шоколадкой
солнце блещет по ногам
как зеркальным сапогам
длинным глянцевым и гладким

9 июня 2005, 2013 гг.

СТИХИ ОБ ОТЦЕ

Отец!
Печаль моя живая.
Морщины резкие у рта.
И не имеющая края –
безжалостная доброта.

Таких, как он, осталась горстка
во всех краях моей страны.
Он был творцом Магнитогорска
и рядовым большой войны.

К нему любовь свою сыновью
я в строчку каждую вдохну.
Он заплатил солдатской кровью
за всенародную весну.

Он дал отсчёт моим победам.
И вышел в мир я без границ,
сам стал отцом и ранним дедом,
но перед ним склоняюсь ниц.

Пиджак неброского суконца,
и на висках – густой снежок...
Он жизнь мне дал, чтоб я от солнца
о нём стихи свои зажёг.

13 февраля 1982, 2011 гг.

Уезжают старик и старуха.
Гонит их не война-голодуха –
гонит
старость
с насиженных мест.
Плохо спит уже старый и ест,
плохо видит и выглядит плохо.
И старуха – сама как эпоха –
допоздна ему варит обед.
Позади у них много побед.
Впереди у них радости мало.
Жизнь их была, гнобила, ломала.
Едут к дочери старшей они
доживать стариковские дни.
Всем подъездом контейнер грузили,
дождик шёл, и снежинки сквозили
кое-где в его нитях сырых.
Опираясь на посох старик
и глядел на снующих с узлами,
и прощался с родными углами.
Весь обмяк он и жалостно сник.
А старуха
 присутствия духа
не теряла, давала совет,
как грузить довоенный буфет,
и сундук, и перину из пуха,
а старик лишь покашливал глухо –

не хватало ни зренья, ни слуха
приобщиться к событиям ему.
И когда в предвечернюю тьму
грузовик отрулил от подъезда,
вышел он

 и стоял бесполезно
на дожде. И уже никому
до него, видно, не было дела.
В развороте машина гудела.
И на слух всё тянулся он к ней –
перед дальней дорогой своей...

1989, 2013 гг.

ДЕРЕВЕНЬКА

Родная деревенька моя!
Подойниками звенькая,
идут доярки с дойки –
Тамарки, Клавки, Зойки.

Горластые,
грудастые,
безмужние –
 ничьи –
они
меня
сграбастали
в объятия свои.

- Айда до нас, поэзия!..
- У нас не пропадёшь!..
- Нам с мужичком полезнее...
- Ну чё ты не идёшь?..

И напирают –
жаркие,
работные –
 тесней.
Так близко губы яркие –
хоть смейся, хоть красней!

И я попытку делаю
убраться, цел пока.

И сквозь халаты белые
я слышу их бока,
меня упруго сжавшие.
Спалят меня дотла
ни разу не рожавшие
горячие тела!

- Да ладно, будет, бабоньки!
Христа в вас что ли нет?

- Он мужичонка слабенький...
- И то сказать: поэт...

Халатики одёрнули.
В глазах убрали свет.

Ушли
 тропинкой
 торною.
А я смотрел им вслед.

Они
мне
стали дороги
за несколько минут.

Им
трудно будет
 в городе,
куда они сбегут.

1989 г.

БРЕД СИВОЙ КОБЫЛЫ

*Ехала деревня мимо мужика.
Из фольклора*

Вот кобыла сивая.
И бредит:
«Вон саврасый мой на Ваньке едет.
Видно, переел с утра овса –
хлещет Ваньку плёткой без конца...

Как давно, однако, это было,
когда я саврасого любила.
И саврасый мой меня любил –
я была кобыла из кобыл!

Как мы Ваньку здорово валяли,
уносил он нас в такие дали –
с ног валился Ванька на степи!
А теперь саврасый как с цепи
вдруг сорвался,
плёткой Ваньку лупит
и кобылу сивую не любит!

А кобыла сивая
разве не красивая?

Я хотя и сива,
но вполне красива.

Хоть куда кобылка!

Что меня забыл-то?

А я, твоя кобыла,
тебя не позабыла.

Ни любви, ни ласки
нету от савраски.

Не хлещи ты Ваньку плёткой,
на тебя я не ропщу,
будь опять моим залёткой,
всё забуду и прощу.

Я хотя и сива,
вовсе не спесива.

Мимо!
Мимо!
Со всех ног
Ванька, грязь отбрасывая,
на закорках вдаль увлёт
моего саврасого.

Словно от удара я,
онемела, старая.

Чёрт саврасый, мерин!

Дуры мы – им верим...»

17 февраля 1989, 2013 гг.

ЛИЗАВЕТА

«Ни в меха и ни в шелка я
разодета не была.
Еду, семечки щелкая,
лисает себе взяла.

Дамский камский лисает,
аккурат для Лизавет.

Я работаю дояркой.
Нечем хвастать на селе
окромя козой да яркой,
мужиком навеселе.

Я ходила в дискотеку.
Мне внушил соколик мой:
на танцульку, дескать, эту
чтобы больше ни кормой.

Сшила платье выходное –
ветер дует под подол.
Ой село моё родное –
глинозём да суходол!»

1 ноября 1988, 2007 гг.

Кажется, добрались мы до истины.
Выстрелены в небо из земли,
тополя, облепленные листьями,
белый пух по ветру разнесли.

Вьётся пух, как вьюга, по обочинам,
в синеву летит над мостовой.
Вся природа мудро озабочена
продолженьем жизни видовой.

Мы-то жизнь свою почти протопали.
Семьи малодетные у нас.
Как щедры на этом фоне тополи,
семена роняя про запас!

В этом деле мы с тобой инертные.
И шумят у нас над головой
тополя практически бессмертные,
озаряясь солнечной листвой.

10 мая 1988 г.

РАННЯЯ ВЕСНА

Дочке лапочке

Есть что-то в воздухе прогретом,
в том, как тепла ночная мгла,
что начинаешь вдруг при этом
подспудно чувствовать: пришла!

И глуховатый лай собаки,
и ветер, веющий во мраке
с какой – неясно – стороны,
чего-то смутного полны.

Оно тревожит почему-то,
во всём присутствует, как смута
или как лёгкое вино.
Тревожно-томное оно.

Одно томление и унылость.
Неясно чем ты с толку сбит.
И всё кругом как бы умылось
и улеглось, но спать не спит.

Сосцы вселенские дудоля,
всё мыслит, числит и творит!
И эта творческая воля
и нас томит, и в нас горит.

18 марта 1995, 2013 гг.

ЗИМНЯЯ РАДУГА

Пар валил из открытого хлева,
было в низком проёме темно.
Солнце справа алело,
а слева
в небе явственным было пятно.

Стыл снегов перламутровый глянец.
Просыпался серебряный лес.
Фиолетово-рдяный румянец
цвёл на склоне студёных небес.

И хозяйка, надёжно одета,
всё стояла с охапкой сенца,
в эту интерференцию света
запрокинувшись маком лица.

23 января 1988 г.

ДВОЕ

Словно образы светлых видений,
облака пламенели вдали.
От сует городских и гудений
двое в дальнюю рошу ушли.

И просветы зажглись меж стволами,
будто окна в высоких домах.
Двое, тесно прижавшись, стояли,
принимая и высь, и размах.

В роще было прохладно и сыро,
но звучали и запах, и цвет.
И духовность огромного мира
им сердца пронизала как свет.

С ними мир вечеряющий сросся.
И сквозила живая листва
в позднем свете любви и сиротства
на планете вражды и родства.

20 апреля 1980 г.

Светлане Сусловой

За полями солнце село.

«Мутно небо, ночь мутна».

А с востока заблестела,
встала полная Луна.

Сатанинская планета
светит иссиня-мертва.
От безжизненного света
стала бледною трава.

То же поле, тот же вечер
как при Пушкине. Зане
тот же лунный человечек
на лютующей
Луне.

Та же мертвенная млечность
от луны у камыша.
Та же тленность. Та же вечность.
Та же бедная душа.

Бытия круги и срезы:
то гульба, а то пальба.
Те же бесы. Те же стрессы.
И Дантесы, и судьба.

27 сентября 2007, 2008 гг.

ФИАЛКИ

В тени худосочны и жалки.
Им травы житья не дают.
Но всё же обжили фиалки
мамин последний приют.

Судьба с предсказаньем гадалок
мне свой отпустила кредит.
Небесною синью фиалок
мама мне в сердце глядит.

15 апреля 2008, 2013 гг.

Шла в гуще трав дорога полевая.
Сквозила высь бездонной синевой.
И впереди, полнеба закрывая,
ветвистый тополь лопотал листвою.

В полях сгущался лучезарный вечер.
Я шёл, твоим присутствием храним.
Казалось мне: я весь насквозь просвечен
каким-то тихим светом неземным.

Огонь небес ещё был чист и ясен.
И вся душа до дна была светла.
Не потому, что вечер так прекрасен,
а потому, что ты со мною шла.

17 мая 2008 г.

Коротаем рыночное времечко мы
и, как можем, боремся с тоской.
Вкусно пахнет жареными семечками
в нашей «распашонке» городской.

Сядем у стола в семейной спайке,
в семечкогрызенье зная толк,
посмеем пёстрые лушпайки
в миску под ритмичный перещёлк.

Разговоры с темой небогатой
обступают, как дремучий лес:
про работу с нищенской зарплатой,
про базар и цены до небес.

И про то, что мы не заслужили
этот суверенный беспросвет.
И про то, что раньше лучше жили,
и про то, что будущего нет.

Дорогая, выживем и сдюжим.
Не печалься, это не впервой.
Ты нужна мне и тебе я нужен.
Ты моя, и я, как прежде, твой.

Есть у нас в авоське лук, картофель.
Я с тобой, а ты со мной. Оплот!

И неподражаемый твой профиль
мне ещё сломаться не даёт.

В эту драгоценную минуту
рынок не возьмёт нас на прицел.
Раньше б заглушил я водкой смуту,
а теперь на семечки подсел.

Полагаясь только друг на друга,
всяким новым нос ещё утрём,
выживем назло, моя подруга,
будем живы – значит, не помрём.

Скоротаем рыночное времечко мы,
распростимся с грустью и тоской.
Вкусно пахнет жареными семечками
в нашей «распашонке» городской.

4 октября 2008, 2013 гг.

В тебе всё то же обаянье,
над ним не властен пласт годов.
Возьму сейчас и на баяне
тебе сыграю «Вальс цветов».

Ещё в зените наше лето,
еще тепло мне даришь ты.
А хочешь, в музыке сонета
запечатлю твои черты?

Найду в тебе с мадонной схожесть.
И пусть баян звучит, звеня!
Хотя и без таких художеств
не отвергаешь ты меня.

Я знаю как добра ко мне ты.
Но всякий раз опять готов
тебе слагать свои сонеты,
сыграть старинный «Вальс цветов».

3 декабря 2008 г.

В БАРЕ

Приняв убойный наркорол,
она просила баркарол.
А он отрезал: «Бар, корова,
тут не играет баркарола».

17 октября 2008 г.

ПРО «СТАРЫЙ КЛЁН»

Помню: юность моя, и Александра Пахмутова,
еще без своего мужа
Добронравова прибабахнутого,
и её задушевная песня
про старый клён.
Я до сих пор в эту песню влюблён.

До того она лиричная, личная, нежная,
до того она русская, не зарубежная,
столько в ней нашего сердца распаханного,
словно мне сестра
или мама
Александра Пахмутова.

Эта песня сегодня
не рейтинговая,
не тусовская,
живёт в народе
на слова Матусовского.
В ней ещё
Добронравова
не встретила Пахмутова,
не было ещё
их песенного тандема вахтового.

Ведь на потоке
не могут быть великие песни.
Уникален пахмутовский «Старый клён».

И что мне поделать с собою, если
«Старый клён»
согревает меня
вне времён.

22 декабря 2008 г.

Расставшись с домашней аптечкой
среди будней бишкекских шальных,
лечу на свидание с речкой,
а речка кровей ледяных.

У ней роковая повадка.
И в сумерках зимнего дня
как бешеная азиатка
в объятья хватает меня.

Ты, чёрный мой ворон, не каркай,
моя ещё светится высь,
и мы с моей речкой-дикаркой
в объятиях переплелись.

10 марта 2009 г.

ЗАНАВЕСКА

Занавеска в блёстках новогодних!
В окруженьи кухонных вещей
я – поэт и грешник, и негодник –
ем салат из летних овощей.

Серой жизни рыночной в отместку,
озаренья женского полна,
выкроила эту занавеску,
чтоб меня порадовать, жена.

В занавеске радуга сияет
из кармина, сини, серебра –
и во мне давненько не зияет
роковая чёрная дыра.

Перед типовым моим оконцем
мне вуалька эта дорога –
словно под морозным зимним солнцем
полыхают радугой снега.

Мне среди лета дарит стынь и вьюгу,
сказкой сводит запросто с ума,
широко лежит во всю округу
белоснежно-нежная зима.

Каждый день из мути несоветской
вырываюсь к очагу жилья,
где под искромётной занавеской
ждёт меня заступница моя.

14 июня 2009, 2013 гг.

ЕДОКИ КАРТОФЕЛЯ

Энергосектор по стране зачах.
Страна и суверенна, и убога.
Когда едим картофель при свечах,
припоминаем старика Ван Гога.

Благодарим счастливую звезду,
что был набор свечей, и вот сгодился.
И, слава Богу, в нынешнем году
разваристый картофель уродился.

На стену, неестественно носат,
ложится мягкой тенью крупный профиль.
И так же, как вангоговцы едят,
сидит семья и кушает картофель.

Искусству тленность вовсе не с руки.
А на миру полно таких историй:
раз есть картофель – есть и едоки
во всём попутном блеске аллегорий.

Картошка впрок теперь припасена
в микрорайонской типовой квартире.
Зимой она особенно вкусна,
особенно когда она в мундире.

Сидим, едим. За окнами зима.
И трапезою скрашены мытарства.

А то ведь спятить можно и с ума
в кромешной тьме родного государства.

Картофель среди древней полутьмы
весьма нам впрок, благодаренье Богу.
Его и при Союзе ели мы,
да вот не при свечах, не по Ван Гогу.

16 ноября 2008, 2013 гг.

МАКИ

В цветущем мае маму хоронили.
И горек был мне буйный вешний цвет.
В полях, когда приехали к могиле,
собрал я маков огненный букет.

Поникшие, притихшие, как дети,
стояли все, скитаясь по векам.
И кто-то скорбно принял маки эти
и в ноги положил к другим венкам.

Почти полвека кануло во мраке.
Во мне воспоминаний горше нет.
Лишь вспомню маму – огненные маки,
пылая, застят мне весь белый свет.

22 июля 2013 г.

СВАДЬБА

В ресторане музыка гремела.
Пили водку. Ждали отбивных.
Целовал невесту неумело
и краснел смущавшийся жених.

Трезвый я сидел в разгаре свадьбы,
и среди гульбы врасход и в дым
думал: было время, прикуп знать бы,
жить бы в Сочи вечно молодым.

Непутёвых обнимать девчонок,
место для одной хранить в груди,
чтобы пронимало до печёнок
предвкушение счастья впереди.

Лишь одну держать бы на примете,
обожать в ней таинство жены,
и не думать ни о чём на свете
у лазурной сочинской волны.

Молодёжь плясала и кутила.
Мне среди гораздых есть и пить
ничего на свадьбе не светило
да и не могло уже светить.

Раздражало буйное веселье.
Угнетала пляска у стола.
Словно на чужом пиру похмелье,
жизнь мне пролетевшая была.

31 августа 2009, 2013 гг.

Так наша жизнь когда-то протекала:
ты палочкой капусту протыкала
заквашенную – чтобы вышел газ.
Ты квасила капустку про запас.
А я в те времена уже не квасил,
не куролесил да и не колбасил.
На квашеную кислую капустку
смотрел как на еду, а не закуску.
Я прежде столько выпил! Съел капуст!
Ты палочку втыкала – резок, густ,
зело вонюч капустный дух броженья.
В любой победе привкус поражения.
Я бросил пить тому уж десять лет.
Я трезв и резв. А молодости – нет!
Капуста та же. Я уже не тот.
Зима по волосам моим метёт.
Заквасится капустка, съестся с хрустом.
И хватит рассусоливать о грустном.

24 декабря 2009, 2013 гг.

Мы шли с тобой. Катилось в дали,
садилося Солнце за поля.
А впереди для нас блистали
листвой зеркальной тополя.

И верилось, что вышла в дамки
судьба, спаявшая с тобой.
И тополя, летя, как замки,
сияли плещущей листвой.

4 июня 2010 г.

* * *

На склоне лет
люблю её одну,
как любит старый князь свою княжну,
как любит старый царь свою царицу,
как любит лев седеющую львицу.

Жена — как мать.
Я мальчик перед ней.
В ней всё,
что недодали нам подружки,
рыдавшие в бездушные подушки
вослед ночам безумным без огней.

Есть в женщине
 прекрасная пора,
когда, не молода и не стара,
она в мужчине ценит
 лишь мужчину.
И я, не вопреки мужскому чину,
люблю её с заката до утра.

Чуть свет лечу и делаю дела,
любя весь мир и им слегка любимый,
неутолимой жаждой одержимый:
чтоб ночь пришла,
и женщина —
ждала.

14 декабря 1998, 2013 гг.

ЭКЛОГА – XXI

Говорит пастух пастушке
на опушке возле пушки:

- Когда вышел я в дорогу
по стране и по войне,
думал я потрафить Богу,
а потрафил сатане.

Я без шума и без крика
положил своих врагов.
Но в бряцании блицкрига
нет благого, нет богов.

И пастушка пастуху
говорит как на духу:

- Ты остыл к крестам и к ригам,
позабыл родимый дом.
Обуян ты был блицкригом,
был ты дьяволом ведом.

Нет в раскаяниях блага.
Нет огня в твоей золе.
И тебя избавит плаха
от терзаний на земле.

Нет печальнее эклог.
Видит дьявол. Видит Бог.

16 декабря 2010 г.

РАЗМОЛВКА

Стынут в тарелках котлеты.
Вьётся над чаем парок.
Слышишь, любимая? Где ты!
Стол, как равнина, широк.

Нам бы одуматься просто!
Боль нестерпимо палит.
Словно чума или оспа,
в доме свирепствует быт.

Словно чужие с утра мы.
Взрывом грозит немота.
Крестит оконная рама
свет наподобье креста.

1982, 2013 гг.

КАРАВЕЛЛА

Тучи дождиком набухли.
В суверенный бранный век
сядем, выкурим на кухне
по сигарке Captain Black.

Captain Black с вишнёвым вкусом,
аромата полон дом.
Жизнь идёт привычным курсом
и обычным чередом.

Вечер с «Чёрным капитаном».
За окном полутемно.
По заморским знойным странам
отгрустили мы давно.

Каравеллы и пираты —
только дым пустой и тлен.
Домовитые палаты
нас коварно взяли в плен.

Ни Кортеса и ни Кука
в нас, ни звука тех эпох.
Скука, скука, скука, скука.
Штиль. И парус наш заглох.

Видно, зря курю и парюсь:
не открыть больших миров,

если в сердце рваный парус
вместо полного ветров.

Или мною ты забыта,
или я тобой забыт,
и любовная разбита
лодка о семейный быт?

Ты да я теперь мещане.
Курим. Смотрим в темноту,
за делами и вещами
позабыв свою мечту.

В ней по сини океана
в беге ветреной волны
каравелла Магеллана
заходила в наши сны.

Для меня для кавалера
зажигала ты глаза.
И любовь, как каравелла,
подымала паруса.

Ты царила, королева,
как девятый бурный вал.
Ты давно закоровела.
Я давно забыковал.

15 августа 2009 г.

Пленительно плетение из лент!
Ты эти рукотворные шедевры
плела и успокаивала нервы,
когда им спуску нет ни на момент.

Когда бушует масскультурный вал,
как хороши подсолнухи Ван Гога!
В них много есть от Солнца и от Бога.
Ван Гог их для тебя нарисовал.

Божественно в тебе желанье плесть
подсолнухи средь рыночного мрака,
когда не знает ни одна собака
что́ будем мы назавтра пить и есть.

Когда вокруг все хапают и рвут
под чёрной сенью крыльев Азраила,
подсолнухи твои в тебе живут.
Ты им себя до капли раздарила.

Сквозь серость будней, беспросвета полных,
не то чтобы во сне, а наяву
твоё мне сердце светит, как подсолнух.
И я надеюсь, верю и живу.

20 декабря 2009 г.

ОСЕНЬ

Все куда-то спешат и бегут,
запасают мешками картофель.

А меня
всё глаза твои жгут,
и зовут твои губы и профиль.

Ты прошла – как тепло с синевой.
Ими впрок не успел запастись я.

Лишь летят над моей головой
золотые
холодные
листья.

12 октября 1983, 2007 гг.

Прощай!
Расстались тяжело мы.
Всё разлетелось в пух и прах.

Тюки прессованной соломы
желтеют в скошенных полях.

Прикрыл я плотно в тамбур дверку.
Смотрю в поля, где воздух сиз.
А провода взлетают кверху
и с ходу улетают вниз.

Всё стало зыбким и неверным.
Отшатываюсь вдруг на шаг
когда за стёклами – по нервам! –
грохочет встречный товарняк.

Из дали в даль, не успокоясь,
на стыках стучая стальных,
меня уносит скорый поезд
от глаз обугленных твоих.

8 июля 1988, 2011 гг.

ПОРТРЕТ

Долгие проводы – лишние слёзы.
Так говорит многовёрстная Русь.
Дым за составом, как чёрные розы.
Ты уезжаешь, а я остаюсь.

Ты говорила – не внял я ни звука.
Глухонемая в закрытом окне.
Глаз твоих мокрых глобальная мука
с горечью дыма осела во мне.

Копоть нагара на листьях берёзы.
Шпалы пропахли тоской и судьбой.
Ты мне оставила лишние слёзы.
А остальные увозишь с собой.

Стуки на стыках – по стынущим нервам.
Вижу, глотая удушливый ком,
как сквозь пространство
 щемящим шедевром
лик твой печальный летит под стеклом.

1998 г.

РУБИЩЕ

Объявлюсь босиком и в рубище.
Не одежкой красен поэт.

А в меня ты в такого влюбишься,
если в рубище я одет?

Это бзик мой!
Моя квазимода.

Кто в отрешьях?
Орфей?
Квазимодо?

Обожаю грубые рубища.

Если влюбишься – сердцем влюбишься.

Ты одна мой полёт и крах.
Мой удел у тебя в руках.

12 августа 2006, 2007 гг.

ЛЮБОВЬ

Я бета тебя. Ты прима.
В сердце моём негасима.

Я втора. Ты первая скрипка.
Божественная улыбка.

Фигляр, стихотворец и клоун,
на воле цен я не целован.

Влюблён и грущу, как ни шкодно.
Моя Беатриче. Джоконда!

Жена моя, спутница, дева,
вкусившая с райского древа.

Меж нами нетленное нечто.
Останься в стихах моих вечно.

А гений и нега поэта
дадут тебе нового света.

12 марта 2008 г.

Вот – сверчок! – в винограднике тёмном.
Лунный свет не проник под листву.
И скрипит этот моцарт о том нам,
чтоб приблизились мы к естеству.

Эти скудные, трудные звуки
нашей музыкой лучшей сочти.
Мне твои загорелые руки
в темноте незаметны почти.

Лишь белеет во мраке футболка.
И, наверное, это к тому,
чтоб во мне ты осталась надолго
светлой в самую тёмную тьму.

В целом мире безлюдно и пусто.
Только ты в моём сердце жива.
И естественней этого чувства
под луной не сыскать естества.

1988, 2012 гг.

ПОДСНЕЖНИКИ

Они за мной из-под снега подслеживали,
сами, как снег, холодны и чисты.
Я тебе в город принёс подснежники –
лицом в их свежесть уткнулась ты.

Веснушками на полянке лица
так трогательно зажелтела пыльца!
Из дальнего детства
вернул мне твой взгляд
весну и пушистых жёлтых цыплят.

Не знал я, когда на горах снеговых
на стылые руки дышал в рукава,
что в шаге от хмурых небес ветровых
под снегом
в подснежниках нежность жива.

Лёд растопила моей угрюмости,
меж сердцами сцепила мост,
цыплятками рылец желтея из рюмочки,
снежная стайка пахучих звёзд.

Вечное средь суеты и поспешности –
тихие маленькие подснежники.

6 апреля 2011, 30 ноября 2012 гг.

Вот и закат наш оттлел и отплавился.
Ночь. Чернота её крыл.
В высях Господь отсыпаться отправился,
дверь за собой притворил.

И уходя белоснежностью хрусткою,
мы позабыть не могли
как пробивался сквозь щёлочку узкую
свет меж мирами вдали.

Много разумному, доброму, вечному
выпало дел на веку.
Видимо, некогда даже сердечному
дверь подогнать к косяку.

24 ноября 2012 г.

ГРЁЗЫ БЕЗ УГРОЗЫ

нежная она такая персиковая
вот бы взял за перси кого я

22 января 2009 г.

ПОВЕСТЬ

1
ушёл и бросил малых деток

2
и напоследок дал в пятак

3
она его и так и этак

4
а он ни этак и ни так

1 июня 2012, 2013 гг.

ТРОПИНКА

По вольным травам, светом напоённым,
иду с тобой беспечно и влюблённо.
Твоей руки касаюсь невзначай.
Твои глаза полны небесной синькой.
Твой волос пахнет солнцем под косынкой.
Цветут солодка, донник, молочай.

Ты снова юной, ветреною стала.
К твоим ногам пыльца с цветов пристала.
Твой взгляд ловлю и жажду я, и жду –
в твоих глазах бездонных раствориться
и в этих буйных травах повториться,
и ног твоих касаться на ходу.

Вот ветерок увлёт тебя в объятия –
смущенно ты одёргиваешь платье.
Льнут к медоносам осы и шмели.
И мы с тобой полны добра и света.
И через лето в море первоцвета
тропинка нас влечёт за край земли.

10 апреля 1983, 2007, 2012 гг.

ОСОБЫ

Исполать тебе, женщина Люба!
В одичавшем без света краю
ненавязчиво, тихо, негрубо
тянешь к свету особу мою.

Мы особы особого рода.
В гуще спешки живём не спеша.
Красотой нас врачует природа,
высотой в нас кочует душа.

Потому и живётся нам трудно,
на пределе поётся легко,
что сердца наши движет подспудно
тот, кто в небе живёт высоко.

Не кончается нами эпоха,
продолжается в нас и потом
всем размахом бездонного вдоха
неохватных небес в голубом.

Скрипнут в царстве небесном засовы.
И огонь возгорится в золе.
Жили-были две странных особы
не спеша на спешащей земле.

Как единое целое оба.
Под горящей звездой над судьбой.
Ты особа. Да я неособо.

Неособенный рядом с тобой.

Вспять направить судьбы колесо бы!
Да тому никогда не бывать.
К небу тянутся наши особы,
чтобы душами не остывать.

4 марта 2012 г.

Не вернувшись к углу и к обеду,
обернувшись лицом на звезду,
за кудыкины горы уеду,
за молочные реки уйду.

Не явлюсь к декабрю или к маю.
Навсегда на лету, на бегу
тянет в даль, а в какую — не знаю
да и знать никогда не смогу.

Всё варяги зовут или греки
и навеки текущие вдаль
с берегами кисельными реки,
проходя через нашу печаль.

Позабудешь и ждать перестанешь.
Мне однажды теперь и давно
из моих запредельных пристанищ
возвратиться к тебе не дано.

16 июня 2013 г.

Вот пришло ощущение покоя,
и ушёл высоко-высоко я,
хоть стоял на прибрежном песке.
Леденила река мои стопы.
Ярких камешков калейдоскопы
мозаично мерцали в реке.

Высоко облака проплывали.
Но меня они не задевали.
Я причалился сверх облаков.
Не печалился за облаками,
с нескончаемыми веками
оставаясь во веки веков.

Высь сквозная была не опасна.
Только вот оставалось неясно,
в день который и в веке каком
облака облегли или боги.
То ли речка мне плещет на ноги,
то ли Стикс леденит холодком.

18 июня 2013 г.

Да, вот такой – шальной и виноватый
за все несчастья в мире и в судьбе –
под этой звездной бездной диковатой
давным-давно прибился я к тебе.

Рвёт время мои творческие флаги,
среди ночи странен дел моих мотив:
когда ты крепко спишь – крадусь к бумаге,
китайской зажигалкой подсветив.

Строчу в полупутьях при искре света.
Когда ты спишь, усталая моя,
у ног моих мифическая Лета
змеится, тянет в бездны забытья.

Страшусь, что на столешнице массивной
летит с бумаги слишком громкий звук,
когда я в смутной страсти экспрессивной
примусь свою строку царапать вдруг.

Взблеснёт во тьме фонарик, как шутиха,
и ты на этот промельк световой
вдохнёшь во сне, и снова дышишь тихо,
как будто слышишь: рядом рыцарь твой.

Сквозь сны ко мне летишь ты на свиданье,
без опоздания свидеться спеша.

Ты знаешь: я не сплю. И мирозданье
на месте. И на месте в нас душа.

И бездна звезд. И в бездне звезды эти
мохнаты, как рои звенящих пчёл.
Ты спишь. А я по-прежнему в ответе
за старый мир, где я тебя нашёл.

29 июля 2013 г.

Любе

В перспективу шла аллея.
И в конце аллеи той
Солнце круглое, алея,
расставалось с высотой.

Мы с тобой шагали в дали,
где закат и край земли.
И навстречу вырастали
сосны, низкие вдали.

Трав пожухлый полушалок.
Воронья разбойный гам.
И закат по перьям галок
бликовал то тут, то там.

Было грустно и красиво.
Мы за Солнцем шли, спеша.
И казалось, что просила
этот миг продлить душа.

Только знали мы с тобою,
не спуская с Солнца глаз:
что отпущено судьбою,
то бывает только раз.

Высь — без дна. Земля поката.
Завтра вспыхнет вновь зенит.
А до нашего заката
перспектива нас хранит.

14 октября 2007, 2013 гг.

ПЕСЕНКА

Мир жаждет
масла
и маргарина
для ежедневных своих хлебов.
Но страждет
Мастер
и Маргарита,
храня,
спасая свою любовь.

Есть солнце Юга и дольче вита –
ешь ананасы и пей ситро.
Но там, где Мастер и Маргарита,
бессильны злато и серебро.

Всё мирозданье
любви открыто.
Брось о богатстве свою тщету.
Богаты Мастер и Маргарита,
хоть ни гроша у них на счету.

Есть в каждом
микро- и макроритм.
Приблизь миндалевые свои!
По мастерам и по маргаритам
мы все тоскуем, прося любви.

Планета
лесом ракет покрыта.
И пандемией гуляет СПИД.
Но любят –
Мастер и Маргарита.
И мир на этом пока стоит!

17 марта 1988 г.

Воробьи от солнца спятили,
от ромашковой пурги.
Далеко мои приятели,
далеко мои враги.

Веют запахи медовые
в вольном поле от хлебов.
Зреют замыслы бредовые
про бедовую любовь.

И от кустика до кустика
тянут пчёлы свой клавир.
И такая здесь акустика —
скажешь слово — слышит мир.

Из жужжания и гомона
вдохновение леплю.
А любовь? Да вот кругом она —
всё без памяти люблю.

Откровением от устьяца
родника среди корней
все грехи мои отпустятся,
все стихи пойдут сильней.

Жизнь моя, не будь промашкою,
солнцу радуйся, звеня.
Родниковый и ромашковый
свет на сердце у меня.

15 февраля 1987, 2013 гг.

ИРОНИЧЕСКИЕ СТРОКИ ПРО УРОКИ БЕЗ МОРОКИ

где он,
бронзы звон
или гранита грань?
Владимир Маяковский

Просит
в полукниксене
автограф
вузовка, конфузится слегка.
Старый хулиган, страшусь: «А что, брат,
как сама пойдёт водить рука:
бронзы звон,
гранита грань —
за гранью
вожделений певческих моих.
Я предпочитаю
гулкой ранью
затеряться в далях ветровых.

Вожделею летнюю аллею
серебристых белых тополей.
И снега ромашек вожделею
на росистой зелени полей.

Впрочем, заостряю суть вопроса:
я люблю
чтоб ширь,
и высь,
и ясь.

Чтоб росы просыпанное просо
в искрах солнца ёжилось, лучась.

Мать-природа мне даёт уроки,
строки навеваает поутру.
Бронзы звон,
гранита грань —
мороки
с ними очень много на миру.

Я привольем жив, не постаментом,
и в земные краткие часы
если уж exegi monumentum,
то из рясных россыпей росы.

Барышня! Глаза у вас в бесятах
восхищенья светом моих книг.
Я ещё годах в восьмидесятих
был достоин почестей таких.

Лестно
 дать автограф в память встречи!
 Но при церемонии такой
 обо мне не может быть и речи –
 демиург водил моей рукой.

Дай вам Бог успешно выйти в примы. Остаюсь во власти ваших чар – весь такой весомый, грубый, зримый, но с душой, боящейся фанфар».

21 августа 2013 г.

* * *

Эта женщина – вещая птица –
всё зовёт за собою, паря,
и не хочет никак опуститься
на мои золотые поля.

Ей моя приземлённость противна,
ей своя окрылённость мила.
Всё меня окликает призывно,
испытать предлагает крыла.

И не зная ни сна, ни покоя,
всё я зов этот дальний ловлю,
всё я в небо смотрю грозное,
всё я женщину эту люблю.

30 сентября 1987, 2005 гг.

БЕРЁЗЫ. ОСЕНЬ

Берёзы, осень. Жёлтая листва,
и осознание кровного родства
с нелучшими своими временами,
когда повелевает осень нами.

Весна у нас и лето позади
в снегу черёмух, в птичьём ликование.
Холодные и скучные дожди,
и осень, и очей очарование.

Она листвы под ноги намела.
Она пригнала тучи к непогоде.
Она судьбу венчает на исходе,
и у поэта Болдинской была.

Она царит, пришла без опоздания.
Безжалостно точны её часы.
И мы – недолговечные создания –
во власти этой гибельной красы.

Она прекрасна и полна печали.
А вечер жизни грядет, как мороз.
И в память лет, которые промчали,
пылают свечи стынувших берёз.

24 октября 2006, 2013 гг.

УТРО

Равнина тихая, безлесая.
Вдали растёкся в ширь полей
туман, как озеро белесое,
размыв гребёнку тополей.

И Солнце с золотыми бреднями
выходит из живой воды.
На травах, от росы серебряных,
мои цепочкою следы.

И ноги жжёт роса холодная,
и беспечальна и нова
душа простая и свободная,
как это солнце и трава.

В посёлке ждёт меня любимая.
Машу сверкающей косой,
курю, прищурившись от дыма я,
по грудь обрызганный росой.

И пахнет сеном свежескошенным.
И сам не знаю почему
желаю я всего хорошего
земному дому моему.

17 августа 1983, 2013 гг.

Мне хватало солнца и ненастья,
и случалось всё, что может быть,
потому что выпало мне счастье
жить на свете, женщину любить.

И ничем не успокоюсь всласть я
сверх всего, что выпало вдвойне.
Счастлив тем, что не ищу я счастья.
Счастья нет вовне. Оно во мне.

14 октября 2012, 2013 гг.

В палящий зной и злые холода,
на небесах, на суше и на море,
и в день, и в ночь, и в радости, и в горе,
любимая, храни тебя звезда.

Где б ни был я, со мною ты всегда,
хотя и не всегда со мною рядом.
Улыбкой лечишь сердце мне и взглядом.
Любимая, храни тебя звезда.

Я б без тебя не выжил никогда.
Но сбылся, раз ты этого хотела.
Ты выстроила душу мне и тело.
Любимая, храни тебя звезда.

Тебя я огорчаю иногда
тем, что устало складываю крылья.
А ты даёшь мне небо для всесилья,
любимая, храни тебя звезда.

За то, что только мною ты горда,
хотя мизинца твоего не стою,
за то, что жизнь не выдалась пустою,
любимая, храни тебя звезда.

В моих стихах останься навсегда
простой и светлой, грешной и святою.
Как ты меня хранишь своей звездою,
любимая, храни тебя звезда.

23 ноября 2012 г.

День июльский нескончаем
в блеске солнечной волны.
Горьковатым молочаем
веет сено из копны.

Перегретыми парами
полевая даль терпка.
Громоздятся над горами
кучевые облака.

Необъятные объёмы
белоснежных их боков
вклублены, как в водоёмы,
в синеву без берегов.

И приходит ощущение:
нам в пути через века
светит перевоплощение
в эту синь и облака.

Но с того и горьковато,
что всплывёт и после нас
эта облачная вата
в синий солнечный раскрас.

И не мы уже – другие
станут так же наблюдать
облака свои благие,
предначертанного ждать.

13 июля 2013 г.

Надо трезво на вещи смотреть.
Предназначено так с сотворения:
твой огонь перестанет гореть,
но вселенский не сбавит горения.

Как бы ни был Овидий далёк,
трепетал огонёк у Овидия.
И душа эту искру увидела
и пришла, как ночной мотылёк.

И сама занялась, ожила,
словно свечка, таясь в мироздании.
И кого-то к огню на свидание
в свой черёд, трепеща, позвала.

Ничего что кромешная ночь!
В ней и зиждется света субстанция.
Между ними ничтожна дистанция.
Ночь готов огонёк превозмочь.

А когда воссияет заря,
мы сольёмся с её колоссальностью.
Для неё мы за дальнею дальностью
как предтечи горели не зря.

5 ноября 2006, 2012 гг.

ДОН КИХОТ

Родной народ
прибит, как скот,
скорбит от рыночных экспансий.
И тут приходит
Дон Кихот
с оруженосцем Санчо Пансой.

Тут не расчёт,
не тонкий ход,
не предсказание пасьянса –
за идеалы
Дон Кихот
восстал!
С ним верный Санчо Панса.

Жестокий век!
Лишь на себя
все в мире тянут одеяло.
А он
выходит в путь,
любя
лишь зыбкий образ
идеала!

Он терпит всё:
злорадный смех,
побой в качестве аванса
за то, что вышел против всех

один!
Чтоб больше не совался.

Но он
сражался против зла –
сам полководец и пехота.
Молва недобрая ползла
об убеждениях Дон Кихота.

Смотрели все – и короли! –
не дальше собственного носа.
А он
пошёл на край земли
за Дульсинеей из Тобоса.

Чтоб ветер добрых перемен
в сердца людские дул сильнее,
обрёл презренье он взамен
своей прекрасной Дульсинеи.

Пускай кочует по векам
звезда наивного испанца.
Он нам на счастье намекал
один!
С ним вечный Санчо Панса.

Не хата с краю, не уход
в себя –
а славная работа!
Пусть для кого-то Дон Кихот

нелеп —
я славлю Дон Кихота.

Встань, Дон Кихот!
Иди вперёд!
Вот — идеал.
Вот — Санчо Панса. —
Чтоб кто-то снова в свой черёд
на вашу удочку попался.

Сердца глухие растревожь,
свой идеал всей кровью нянчи,
чтоб кто-то дальний
стал похож
на Дон Кихота из Ламанчи!

8 ноября 1988, 2008, 2012 гг.

Зуммерок сверчка в вечерней мгле...

Бог забыл мобильник на Земле?

20 сентября 2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминание	3
«Облаков скандинавские руны»	4
«Спасибо, что есть неизбежность»	5
«Вспомню: ты у меня есть»	6
Чума	7
Рябина	8
Колыбельная – 87	9
«Луна, золотая к лету»	10
Жена Овидия	11
Галактика	13
«Вялость спячки, зимней статики»	15
Приезд	16
Наследство	18
«Сумерки пахнут сиренью»	19
Вечная тема	20
23 февраля	22
«Был я в школе начальной ударник»	23
Давнее	24
«Я существую – значит, мыслю»	26
Интим	27
Товар – деньги	29
Полдень	30
«Калитка с колечком»	31
«Боготворил я девочку одну»	32
«От старых вымокших черешен»	33
«Этот ребус с серебряным ливнем!»	35
«Встретил даже не её»	37
Круто	38
«Боже, какой же я древний!»	40
Старая учительница	41
Встреча	44
«Вьюнком увитая беседка»	46

«Вот строки балладного лада»	48
Тридцать пять плюс-минус пять	50
«Эти двое в любую погоду»	51
«Осень длится»	52
«Это весть о тебе»	53
«Твоя властная сила»	54
«Ах какая осень золотая»	55
Ошибка	56
«В очереди к кассе магазина»	57
Твои сонеты	58
«Прости-прощай, печаль моя! Пока!»	60
«Опять иду с тобой»	61
Герника	62
Стихи Ясмине	63
Узы	65
«Когда меня целуешь в сенцах»	67
Да и нет	68
Адам	69
«Говорит машина мне»	70
Басенка	72
«Пол один, супругов двое»	73
«Наши шансы призрачны и шатки»	74
«Последние песни»	75
«За столом»	76
Клод Моне. Завтрак на траве	78
Она	79
«Поэт»	80
«Когда-то был молод и пылок»	81
Болезнь	82
Александровна	83
Соловьи	85
Акварель	89
Пржевальск	90

Окраина	91
У трапа	93
Семья	94
Я мимо шёл	98
Степное	99
«Здесь мама спит и спит отец»	100
Танка	101
Расставанье	102
Пляж	104
Стихи об отце	105
«Уезжают старик и старуха»	106
Деревенька	108
Бред сивой кобылы	110
Лизавета	112
«Кажется, добрались мы до истины»	113
Ранняя весна	114
Зимняя радуга	115
Двое	116
«За полями Солнце село»	117
Фиалки	118
«Шла в гуще трав дорога полевая»	119
«Коротаем рыночное времечко мы»	120
«В тебе всё то же обаянье»	122
В баре	123
Про «Старый клён»	124
«Расставшись с домашней аптечкой»	126
Занавеска	127
Едоки картофеля	128
Маки	130
Свадьба	131
«Так наша жизнь когда-то протекала»	132
«Мы шли с тобой. Катилось в дали»	133
«На склоне лет»	134

Эклога – XXI	135
Размолвка	136
Каравелла	137
«Пленительно плетение из лент!»	139
«Когда она уйдёт»	140
Осень	142
«Прощай!»	143
Портрет	144
Рубище	145
Любовь	146
«Вот – сверчок! – в винограднике тёмном»	147
Подснежники	148
«Вот и закат наш отлел и отплавился»	149
Грёзы без угрозы	150
Повесть	151
Тропинка	152
Особы	153
«Не вернувшись к углу и к обеду»	155
«Вот пришло ощущение покоя»	156
«Да, вот такой – шальной и виноватый»	157
«В перспективу шла аллея»	159
Песенка	160
«Воробы от солнца спятили»	162
Иронические строки про уроки без мороки	163
«Эта женщина – вещая птица»	165
Берёзы. Осень	166
Утро	167
«Мне хватало солнца и ненастья»	168
«В палящий зной и злые холода»	169
«День июльский нескончаем»	170
«Надо трезво на вещи смотреть»	171
Дон Кихот	172
«Зуммерок сверчка в вечерней мгле»	175

МОИ КНИГИ

- «Подсолнух».** Стихотворения. «Мектеп», Фрунзе, 1979 г. 3 печ. листа. 100 стр.
- «Свет в судьбе».** Стихотворения. «Кыргызстан», Фрунзе, 1982 г. 3 печ. листа. 108 стр.
- «Раздолье».** Стихотворения. «Мектеп», Фрунзе, 1984 г. 2,6 печ. листа. 72 стр.
- «Высь».** Стихотворения. «Кыргызстан», Фрунзе, 1988 г. 3,5 печ. листа. 96 стр.
- «Третий раунд».** Стихотворения. «Адабият», Бишкек, 1991 г. 5,2 печ. листа. 142 стр.
- «Некто я».** Стихотворения, палиндромоны. «Просвещение», Бишкек, 2005 г. 23 печ. листа. 369 стр.
- «Зимняя радуга».** Стихотворения, поэма, литературные пародии. «Просвещение», Бишкек, 2006 г. 14,5 печ. листа. 232 стр.
- «Перевооружаю мир».** Палиндромоны. «Просвещение», Бишкек, 2006 г. 14,5 печ. листа, 223 стр.
- «Пульсар».** Книга избранного. Стихотворения, палиндромоны. «Просвещение», Бишкек, 2007 г. 43 печ. листа. 691 стр.
- «Десятая книга».** Стихотворения, палиндромоны. «Салам», Бишкек, 2008 г. 15 печ. листов. 243 стр.
- «Дневная фактура».** Стихотворения, палиндромоны. «Салам», Бишкек, 2008 г. 6,5 печ. листа. 103 стр.
- «Разрыв».** Стихотворения, поэма, палиндромоны. «Салам», Бишкек, 2009 г. 10 печ. листов. 165 стр.
- «Силовое поле».** Стихотворения, палиндромоны. «Салам», Бишкек, 2009 г. 14 печ. листов. 224 стр.
- «Нестабильность».** Новые стихи. «Салам», Бишкек, 2009 г. 6,8 печ. листа. 110 стр.
- «SMS».** Стихотворения. «Салам», Бишкек, 2011 г. 14 печ. листов. 223 стр.
- «Чёрный ящик».** Стихотворения и Книга молчания. «Салам», Бишкек, 2011 г. 227 стр. 14, 25 печ. листа.
- «Мостовая времён».** Стихотворения. «Салам», Бишкек, 2013 г. 14,3 печ. листа. 248 стр.
- «Перевооружаю мир».** Палиндромоны. Издание 2-е, дополненное. «Салам», Бишкек, 2013 г. 26,5 печ. листа. 422 стр.

ГОВОРИЛИ ОБО МНЕ
(Библиография за 40 лет)

1. Александр Алянчиков. Ещё один год, или История одного дня. «Комсомолец Киргизии» - 1973. – 15 декабря. О жизни и творчестве.
2. Александр Алянчиков. Молодое перо. «Советская Киргизия». – 1978. – 1 ноября. Обзорная статья о поэзии.
3. Александр Кацев. Все думы о земле. «Комсомолец Киргизии». – 1979. – 10 марта. Рецензия на книгу «Подсолнух».
4. Александр Шепеленко. Так и люблю, понимая... «Советская Киргизия». – 1979. – 29 марта. Рецензия на книгу «Подсолнух».
5. Владимир Ермолин. От строки к строке. «Советская культура». – 1979. – 24 июля.
6. Нина Бялосинская. Голоса на меридиане. «Студенческий меридиан». Москва. – 1970. - № 3.
7. Юруслан Тойчубеков. Творческое содружество. «Литературный Киргизстан». – 1979. - № 2. К VII Всесоюзному совещанию молодых писателей в Москве.
8. Вячеслав Шаповалов. На первом перевале. «Вечерний Фрунзе». – 1979. – 28 мая. Рецензия на книгу «Подсолнух».
9. Тендик Аскарков. Доклад VII съезду писателей Киргизии. «Литературный Киргизстан». – 1981. - № 4.
10. Станислав Золотцев. Ради жизни на земле. «Литературная Россия». – 1981. – 17 июля.
11. Александр Кацев. Живая память сердца. «Вечерний Фрунзе». – 1982. – 18 мая. Рецензия на книгу «Свет в судьбе».
12. Александр Зайцев. Быть состраданием природы. «Комсомолец Киргизии». – 1982. – 17 июля. Рецензия на книгу «Свет в судьбе».
13. Александр Шепеленко. Зримые приметы. «Советская Киргизия». – 1983. – 12 января. Рецензия на книгу «Свет в судьбе».
14. Станислав Золотцев. Ради жизни на земле. Тема защиты родины и мира в творчестве молодого поэтического поколения. «Знамя». - 1984. - № 5.
15. Николай Локтев. Покуда жив родник... «Советская Киргизия». – 1985. – 11 июня. Рецензия на книгу «Раздолье».
16. Информация о премии Союза писателей Киргизии за книгу «Раздолье» Александру Никитенко. «Советская Киргизия». – 1985. – 8 мая.

17. Станислав Золотцев. Русская муза земли Ала-Тоо. Заметки критика о поэтических новинках. «Литературный Киргизстан». – 1988. - № 8. О книге «Вьсь».

18. Александр Кацев. Некто Александр Никитенко. «Аргументы и факты» в Кыргызстане». – 2005. - № 1. Рецензия на книгу «Некто я».

19. Вячеслав Тимирбаев. Поэт, по сути, чуточку Матросов. Газета «МСН». – 2005. – 22 марта. Рецензия на книгу «Некто я».

20. Георгий Хлыпенко. Экология души. «МСН». – 2005. – 11 октября. Рецензия на книгу «Некто я».

21. Георгий Хлыпенко. Храните радугу в крылах стрекоз! «Литературный Кыргызстан». – 2005. - № 4. Рецензия на книгу «Некто я». (Есть она и на сайте literatura.kg).

22. Вячеслав Тимирбаев. Талант не может быть зарытым. «МСН». – 2006. – 10 марта. Рецензия на книгу «Зимняя радуга».

23. Александр Тузов. Музыка революции на южном берегу БЧК. «Вечерний Бишкек». – 2006. – 10 марта. Рецензия на книгу «Зимняя радуга».

24. Александра Черных. Молчание Рыб переворачивает мир. «Вечерний Бишкек». – 2006. – 24 апреля. О книге «Переворачиваю мир».

25. Вячеслав Тимирбаев. Поэт милостью божьей. «МСН». – 2006. – 23 мая. Взгляд на книги «Некто я», «Зимняя радуга», «Переворачиваю мир».

26. Галина Ким. Взрывная сила доброты. «МСН». – 2006. – 18 июля. Рецензия на книгу «Зимняя радуга».

27. Наталья Зубенко. Александр Блок в творческом сознании русского поэта Кыргызстана Александра Никитенко. «Блоковские чтения». – 2006. – Сборник материалов в связи со 125-летием Александра Блока.

28. Александр Тузов. Чемпион палиндромонов. «Вечерний Бишкек». – 2007. – 22 января. Рецензия на книгу «Переворачиваю мир».

29. Галина Ким. Я рад даря. «МСН». – 2007. – 23 февраля. Рецензия на книгу «Переворачиваю мир».

30. Наталья Зубенко. Александр Никитенко – мастер палиндромона (сборник «Переворачиваю мир»). «Русская литература Кыргызстана: состояние и перспективы. Материалы вузовских студенческих научных чтений». – 2007.

31. Вячеслав Тимирбаев. Вам, сверхдальние наши потомки. «МСН». – 2007. – 17 августа. Рецензия на книгу «Пульсар».

32. Вячеслав Тимирбаев. Лиру не отдал и душу уберёг. «МСН». – 2008. – 4 марта. О сборнике «Десятая книга».

33. Александр Тузов. Маг палиндромонов. «Вечерний Бишкек». – 2008. – 10 марта. О сборнике «Десятая книга».

34. Евгений Денисенко. Дежурный по апрелю. «Вечерний Бишкек». – 2008. – 4 апреля. О жизни и творчестве к моему 60-летию со дня рождения.

35. Александр Тузов. Одиннадцатая книга. «Вечерний Бишкек». – 2008. – 22 августа. Рецензия на книгу «Дневная фактура».

36. Вячеслав Тимирбаев. Стрижами выстрижена вьсь. «МСН». – 2008. – 19 августа. Рецензия на книгу «Дневная фактура».

37. Александр Кацев. Спасибо за стихи. «МСН». – 2008. – 9 сентября. О книге «Дневная фактура».

38. Гузель Давлетова. Визуальная поэзия Александра Никитенко. Материалы студенческой научно-практической конференции. – 2009.

39. Гузель Давлетова. Визуальная поэзия Александра Никитенко. Дипломная работа. 76 страниц. КРСУ. – 2010.

40. Александр Тузов. Форт строф, или Эмиграция в СССР. «Вечерний Бишкек». – 2009. – 27 января. Рецензия на книгу «Разрыв».

41. Вячеслав Тимирбаев. Тем жарче жажда идеала. «МСН». – 2009. – 30 января. Рецензия на книгу «Разрыв».

42. Евгений Денисенко (Владин). Выйди в широкое поле... «Вечерний Бишкек». – 2009. – 26 августа. О книге «Силовое поле».

43. Вячеслав Тимирбаев. Цель жизни – только жизнь. «МСН». – 2009. – 28 августа. Рецензия на книгу «Силовое поле».

44. Александр Тузов. Его четырнадцатая книга. «Вечерний Бишкек». – 2009. – 28 октября. Рецензия на книгу «Нестабильность».

45. Вячеслав Тимирбаев. Подгребайте в будущее. Жду. «МСН». – 2009. – 30 октября. Рецензия на книгу «Нестабильность».

46. Бахтияр Койчуев. Центральноазиатская литература как многофункциональный контекст: история русского дискурса от древности к XXI веку. Монография. КРСУ. – 2010. Научный анализ ряда стихотворений А. Никитенко, палиндромонов, сонета-перевертня «Себе небес».

47. Джамия Дандыбаева. Пусть рассудит время и читатель. «Студенческое обозрение». – 2011. – №9. О книге SMS.

48. Вячеслав Тимирбаев. Стихи – это судьба, не ремесло. «МСН». – 2011. – 1 июля. О книге SMS.

49. Александр Тузов. SMS от патриарха. «Вечерний Бишкек». – 2011. – 1 июля. О книге SMS.

50. Вячеслав Тимирбаев. А главное – всё-таки талант. О поэзии Александра Никитенко. «МСН». – 2011. – 9 декабря. Рецензия на книгу «Чёрный ящик».

51. Александр Тузов. Откуда родом он навек. «Вечерний Бишкек». – 2011. – 20 декабря. Рецензия на книгу «Чёрный ящик». В обзорной статье «Дервиш в пейзаже мегаполиса».

52. Вячеслав Тимирбаев. Поэт – явление неслучайное. «МСН». – 2013. – 18 января. Рецензия на книгу «Мостовая времён».

53. Александр Тузов. Дай Бог остаться Никитенкой. «Вечерний Бишкек». – 2013. – 25 января. О книге «Мостовая времён».

54. Вячеслав Шаповалов. Капля Океана. Предисловие к моей книге «Некто я». – 2005 г.

55. Андрей Рябченко. Парадокс жанра. «Литературный Кыргызстан». – 2013. – №3. О книге «Переворачиваю мир» и моём творчестве в области русского палиндромона.

Александр Иванович Никитенко

Я бета тебя

Стихотворения

Подписано в печать 2014г.
Формат 60х84^{1/16}. Объем 11,5 п. л.
Заказ № Тираж 100 экз.

Отпечатано в ОсОО Издательский дом «Салам»
Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Гоголя, 120
Тел.: (+996 312) 68-01-35, тел./факс: (+996 312) 68-01-33
E-mail: id_salam@mail.ru
